

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКИСТАНА
КАФЕДРА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

На правах рукописи

НЕГМАТОВА СУРАЙЁ МИРЗОЭРГАШЕВНА
МОДАЛЬНОСТЬ И СПОСОБЫ ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ В ЯЗЫКАХ
РАЗЛИЧНОГО СТРОЯ

Специальность: 10.02.19 – Теория языка

Диссертация
на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Парвонахон Джамshedов

Душанбе – 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава I. Теоретические основы исследования модальности в лингвистической науке.....	13
1.1. Развитие конструкций с модальными глаголами в германских языках	13
1.1.1 Конструкции с модальными глаголами соответствующие оптативу (субъюнктиву)	19
1.2. Исследования категории модальности в русском и таджикском языках	22
1.2.1. Модальность желания (оптатив) в таджикском языке в контрастивном сопоставлении с русским языком.....	54
1.2.1.1. Модальное слово «мабодо».....	67
1.2.1.2. Модальное слово «кошки/кошкӣ»	65
1.2.1.3. Лексико-синтаксические и фразеологические средства оптатива.....	69
1.3 Фразеологизмы как средство выражения субъективной модальности.....	70
Выводы по первой главе.....	82
Глава II. Средства и способы выражения субъективной модальности в русском и таджикском языках.....	85
2.1. Категория наклонения как средство выражения субъективной модальности.....	85
2.2. Модальные слова как средство выражения субъективной модальности.....	96
2.3. Модальные глаголы как средство выражения субъективной модальности	108
2.4. Союзы как средство выражения субъективной модальности.....	116
2.5. Междометия как средство выражения субъективной модальности.....	121
Выводы по второй главе.....	126
Заключение.....	131
Библиография.....	135

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационная работа посвящена исследованию категории модальности и средств его выражения в языках различного строя.

Актуальность темы исследования связана с теоретическим и практическим значением изучения категории модальности и средств ее выражения в языках различного строя. Постоянный интерес языковедов к изучению модальности обусловлен тем, что модальность является одной из центральных категорий языкознания, категорией, выражающей отношение говорящего к содержанию высказывания и отношение содержания высказывания к действительности. Модальность содержит такой большой круг значений, что возникает необходимость более тщательного их изучения. Многочисленные работы по исследованию разнообразных языковых средств выражения модальности, представленных в современном таджикском языкознании, в основном, шли по линии уточнения и детализации, в результате чего был накоплен большой языковой материал. Однако полученные данные не составляют ясной и цельной картины.

Недостаточная концептуальная оформленность рассматриваемой категории, недостаточная изученность вопроса о функционировании и взаимодействии широкого спектра средств ее выражения обуславливают необходимость дальнейшего изучения лингвистической категории модальности и определяют актуальность темы данного исследования.

Степень разработанности темы исследования. Изучение модальности имеет давнюю традицию. Так, исследованием модальных значений занимались многие лингвисты. Среди русских ученых к ним, в частности, относятся Е.И. Беляева, В.Н. Бондаренко, Т.В. Булыгина, В.В. Виноградов, Анна А. Зализняк, Г.А. Золотова, И.М. Кобозева, Н.И. Лауфер, Е.В. Падучева, В.А. Плунгян, И.Б. Шатуновский, А.Д. Шмелев, С.Н. Цейтлин, среди зарубежных – Дж.Л. Байби, Ш. Балли, А. Вежбицкая, М. Грепл, Дж. Коатс, Дж. Лайонз, Ф.Р. Палмер, В. Пальюка, П. Перкинс, Е.Е.

Суитсер, А. Тимберлейк, С. Чанг и мн. др. В работах перечисленных авторов, однако, нет единого мнения о том, какие значения относить к группе модальных.

В «Словаре лингвистических терминов» модальность интерпретируется как «понятийная категория со значением отношения говорящего к содержанию высказывания и отношения содержания высказывания к действительности (отношения сообщённого к его реальному осуществлению), выражаемая грамматическими и лексическими средствами, такими, как формы наклонения, модальные глаголы, интонация и т.п.» [8]. Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС) определяет модальность (от ср.-лат. *modalis* – модальный; лат. *modus* – мера, способ) как «функционально-семантическую категорию, выражающую разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого». Отмечается, что «термин «модальность» используется для обозначения широкого круга явлений, неоднородных по смысловому объёму, грамматическим свойствам и по степени оформленности на разных уровнях языковой структуры» [89]. Таким образом понятие модальности описывается в «Русской грамматике» [70, 499], где термин «модальность» определяется как используемый для «обозначения языковых явлений, неоднородных по значению, смысловому объёму, грамматическим свойствам и по своей принадлежности к тому или иному уровню языковой системы». Объединяет эти явления то, «что все они так или иначе – грамматически, лексически, интонационно – выражают отношение говорящего к сообщаемому или сообщаемого к действительности» [68, 214]. Данное определение достаточно широко: действительно, разные исследователи по-разному определяют круг модальных значений. В число модальных характеристик включают «утверждение – вопрос – побуждение, реальность – достоверность – вероятность – ирреальность, утверждение – отрицание, необходимость – возможность – намерение и т. д.» [1, 88]. Как отмечает Г.А. Золотова, «в ряде работ наблюдается также тенденция

распространить понятие модальности и на те языковые явления, которые связаны с выражением авторской экспрессии, эмоционально-стилистических оттенков речи» [46, 141].

Многие работы, посвященные проблемам модальности, указывают на то, что об определении границ данной категории, о внутренней структуре поля модальности, средствах ее выражения и о соотношении модальности с другими языковыми категориями не существует единого мнения: «нет общепринятого мнения о соотношении модальности и предикативности, модальности и коммуникативных типов предложения, связи модальности с отрицанием и выражением эмотивно-экспрессивных значений» [11, 1].

Вследствие отсутствия общей точки зрения на предмет того, какие значения считать модальными, нет единства и в вопросе о том, какого вида категорией является категория модальности: семантической, синтаксической, лексико-грамматической и пр. Одни исследователи называют категорию модальности «просто языковой категорией [11; 13; 33]; другие – синтаксической [38; 41; 64; 38]; третьи – семантической [33; 100]; четвертые – лексико-грамматической [21]; пятые – категорией мышления, сознания [29].

Однако, несмотря на очевидную неоднозначность в понимании данной категории, нельзя не согласиться с В.В. Виноградовым, отмечая, что все рассмотренные им трактовки «приводят к выводу, что категория модальности предложения принадлежит к числу основных, центральных языковых категорий, в разных формах обнаруживающихся в языках разных систем» [24].

Ученый в своей книге «Исследования по русской грамматике» следовал концепции о том, что «предложение, отражая действительность в её практическом общественном осознании, выражает отнесенность (отношение) к действительности, поэтому с предложением, с разнообразием его типов тесно связана категория модальности.

Каждое предложение включает в себя как существенный конструктивный признак модальное значение, то есть содержит в себе указание на отношение к действительности. Он считал, что «категория модальности принадлежит к числу основных, центральных языковых категорий, в разных формах, обнаруживающихся в языках разных систем» [25].

По словам В.В. Виноградова, в модальности также имеется и видовой лексико-грамматический характер. Итак, обнаружить в том или ином тексте категорию модальности составляет нелегкую работу даже специализированным деятелям современного языкознания.

По этому поводу Ш. Балли пишет: «Модус (наклонение) представляет собой «главную часть предложения», без которой не может быть предложения. И далее, развивая эту мысль, он определяет следующее: «... мыслить - значит вынести суждение есть ли вещь или её нет, либо определить, желательна ли она или не желательна, либо, наконец, выразить пожелание, чтобы она была или не была... В первом случае выражается суждение о факте, а во втором - суждение о ценности факта, в третьем - проявление воли» [10].

Академик Л.В. Щерба отмечает, что «в родном языке нечего подмечать: в нём всё просто и само собой понятно и ничто не возбуждает никаких сомнений, однако второй язык, изучаемый в сопоставительном плане, помогает вскрыть разнообразные средства выражения и в родном языке» [87].

Объем, который охватывает модальность является крупным и неоднозначным, также, как и грамматический статус. Функционально-семантическая категория в краткой форме определяется как «ФСК», она выражает распространенные различные связи в процессе от озвучивания и до самого совершения действия. Непосредственно видно всю значимость роли модальности в речи.

Исследование категории модальности и способов её выражения тесно связано со многими проблемами. Это вопросы предикативности, логического воззрения, смысловой структуры предложения, наклонений, модальных глаголов, модальных слов, частиц, отличия от эмоциональности и их возможных перекрещиваний. Эти вопросы, как в плане синхронии, так и в плане диахронии, особенно в таджикском языке, остаются непонятными и спорными, потому что в современном таджикском литературном языке категория модальности до сих пор недостаточно изучена, хотя в существующей научной и учебной литературе в данное время имеются работы таджикских учёных-лингвистов: С.И. Баевский [9], Б. Ниёзмухамедов [59], И.И. Норова, А. Халилов [78], М. Ибрагимова [48], А.З. Розенфельд [69] и др.

В конце XX века в языкознании начали рассматривать язык не как знаковую, а как антропоцентрическую систему, целью изучения которой является речемыслительная деятельность человека. Это содействовало появлению массы различных направлений в науке, таких как: когнитивная лингвистика, лингвокультурология, этнопсихолингвистика, психолингвистика, межкультурная коммуникация и др.

Модальность – явление многоаспектное, и поэтому в лингвистических исследованиях наличествует множество суждений и подходов к интерпретации сущности данной категории языка. Все приведенные лингвистические направления ставят одну цель – выявить те ментально-психологические процессы, результатом которых и является речь человека. Эти ментальные процессы неразрывно объединены с модальностью.

Категориальная сущность модальности с давних пор является объектом дискуссий учёных-лингвистов и философов. Категории модальности имеют ту особенность, что как определение объекта они несколько не расширяют понятия, которому служат предикатами, а выражают только отношение к познавательной способности. Основные положения о модальности содержат не что иное, как разъяснение понятий возможности, действительности и

необходимости в их эмпирическом применении и тем самым также ограничение всех категорий чисто эмпирическим применением, не допускающее и не разрешающее трансцендентального применения их.

Способы и средства выражения категории модальности в различных языках весьма многочисленны и разнообразны.

Повышенный исследовательский интерес к категории лингвистической модальности, особенно в сопоставительном аспекте, определяет *актуальность* настоящего исследования.

Цель работы состоит в анализе средств выражения модальности в языках различного строя согласно их принадлежности к определенным видам модальности.

Для достижения поставленной цели в настоящей работе решались следующие **задачи**:

- рассмотреть существующие концепции модальности, взгляды учёных на сущность категории модальности в русском и таджикском языках;
- установить семантический диапазон модальных единиц;
- раскрыть средства выражения модальности с точки зрения их семантических и универсальных особенностей в русском и таджикском языках;
- обнаружить и установить общие и специфические особенности и различия в средствах выражения модальности в сопоставляемых языках.

Объект исследования – средства и способы выражения категории субъективной модальности в русском, таджикском и английском языках, структурно-семантические особенности, морфологические и функционально-семантические типы и способы репрезентации в изучаемых языках

Предмет исследования - категория модальности, её общие, частные и специфические особенности в русском, таджикском и английском языках.

Рабочая гипотеза строится вокруг следующей концепции: в сравниваемых языках модальность выражает отношение говорящего к

сообщаемому, в отличие от объективной модальности, является факультативным признаком высказывания, имеющая соответствующее семантическое наполнение, способы и средства выражения в русском, таджикском и английском языках.

Методы исследования. В диссертации используется комплекс общенаучных, общелингвистических и частных методов: методы наблюдения, сравнения, синтеза, метод лингвистического анализа художественного текста, метод контекстуального анализа, метод компонентного анализа.

Материалом исследования послужили художественные тексты: русских писателей - «Записки охотника» И.С. Тургенева, «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова, «Униженные и оскорблённые» Ф.М. Достоевского, «Хождение по мукам» А.Н. Толстого, «Рассказы» А.П. Чехова; таджикских писателей - «Асарҳои мунтахаб» («Собрание сочинений») С. Айни, «Дувоздаҳ дарвозаи Бухоро» («Двенадцать ворот Бухары») Дж. Икромӣ, «Ҳамида» Р. Джалила, «Ҳикояҳо» («Рассказы») П. Толиса, «Палатаи кунчаки» («Угловатая палата») Ф. Муҳаммадиева и др.

В работе использованы также словари русского и таджикского языков, толковые и двуязычные словари: «Лингвистический энциклопедический словарь» (гл. ред. В.Н. Ярцева); Г.Д. Томахин, «Лингвострановедческий словарь» С.И. Ожегов, Ю.Н. Шведова; «Толковый словарь русского языка»; «Таджикско-русский словарь» // Под ред. М.В. Рахими и Л.В. Успенской; «Фарханги забони тоҷики» и др.

Новизна диссертационного исследования обусловлена рядом факторов: предпринят комплексный сравнительный анализ модальных слов с учётом их структурно-семантических свойств и функциональных особенностей в современном в языках различного строя; описаны структурные, семантические и функциональные особенности средств выражения модальности в языках различного строя; представлено сопоставление разнообразных типологических признаков, экспликация

оснований вывода о феномене категории модальности в лингвистическом плане.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что её результаты вносят значительный вклад в структурно-семантический анализ модальности в разноструктурных языках, выявлении особенностей их употребления в речевом акте, расширении представления о лексико-грамматических компонентах и средствах выражения категории модальности.

Предпринята попытка систематизирования модальных единиц, их семантики в сравнительном аспекте. В работе конкретизирована суть языковой модальности, структура и семантика модальных единиц.

Практическая значимость исследования состоит в том, что её результаты могут широко употребляться в процессе преподавания определенных разделов практической и теоретической грамматики русского и таджикского языков в сравнительном аспекте, при разработке спецкурса по функциональной грамматике разноструктурных языков, в теории и практике перевода.

Основные положения, выносимые на защиту:

- Модальность – функционально-семантическая категория, выражающая разные типы отношения высказывания к действительности, а также субъективную оценку сообщаемого.
- Субъективная модальность показывает отношение говорящего к сообщаемому и является факультативным признаком высказывания. Значения, составляющие содержание категории модальности в разноструктурных языках неоднородны, выражают многообразные виды эмоциональной (иррациональной) оценки и реакции.
- План содержания субъективной модальности, как категории оценочности, составляют субъективно-модальные выражения уверенности / неуверенности в достоверности высказывания, в реальности/ирреальности сообщаемого события, с различными

оттенками значений: возможности, желательности, предположительности и т.д., образующие соответствующие модальные микрополя.

- На лексико-грамматическом уровне осуществление субъективно-модальных значений в рассматриваемых языках происходит посредством модальных слов, модальных глаголов, фразеологических оборотов, модальных частиц и модальных междометий.
- В сопоставляемых языках некоторые лексико-грамматические средства выражения субъективной модальности имеют типологическое сходство, но вместе с тем наблюдаются и расхождения, связанные с особенностями грамматической структуры рассматриваемых языков.

Методологическая основа исследования. Общетеоретической основой данной работы послужили теоретические и методологические исследования российских и таджикских лингвистов (В.А. Богородицкий, В.В. Виноградов, Л. Блумфильд, А.Х. Востоков, Е.М. Галкин-Федорук, В.Гак, А.А. Потебня, А.М. Пешковский, А.А. Шахматов, Н.М. Шанский, Б. Ниёзмухамедов, Н. Маъсуми, М.Н. Касимова, М. Исматуллоева, Ф. Зикриёев, В.С. Расторгуева, А.З. Розенфельд, М. Ибрагимова, А. Халилов, Д.С. Негматова и др.). В трудах вышеназванных русских и таджикских учёных категория модальности исследована как функционально-семантическая категория с точки зрения языковых средств и способов выражения данной категории в целом.

Личный вклад соискателя в получении результатов, изложенных в диссертации, состоит в участии в обсуждении цели и задач исследования, в получении и обсуждении результатов, изложенных в диссертации, в формулировке ее основных положений и выводов, в опубликовании полученных результатов. Автором лично проведена обработка, анализ и систематизация, полученного материала. Основные положения диссертации неоднократно докладывались автором на международных и отечественных конференциях в виде докладов.

Апробация работы. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры иностранных языков Национальной академии наук Таджикистана (протокол № 02 от 29 января 2021 г.).

Основные положения диссертации изложены в 3 статьях, опубликованных в изданиях, вошедших в Перечень ВАК РФ.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МОДАЛЬНОСТИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

1.1. Развитие конструкций с модальными глаголами в германских языках

Параллельно с перестройкой системы наклонений на протяжении всей истории германских языков протекает процесс развития класса модальных глаголов, их частичной десемантизации и развития их структурных функций. Основной функцией модальных глаголов во всех языках является выражение внутренней модальности. Неоднородность модальных противопоставлений в четырехчленной оппозиции наклонений индикатив / ирреалис /оптатив/императив, засвидетельствованной во всех древних германских языках, была впоследствии изжита. Во всех языках преодоление этой неоднородности протекало (в общих чертах) одинаково, по двум основным линиям: ослабление формальной и смысловой противопоставленности индикатива, оптатива и императива относительно друг друга; переход функций выражения внутренней модальности от оптатива и императива к модальным глаголам.

Решающим фактором при этом представляются внутренние процессы, происходившие в системе наклонения. Модальные глаголы приходят на смену грамматическим формам, сохранившимся в парадигме наклонения пережиточной, и не могут поэтому в свою очередь не способствовать «извне» перестройке системы наклонений, вызванной процессами, происходившими внутри ее.

Типологические особенности отдельных языков заключались, во-первых, в неодинаковой интенсивности обоих процессов, причем между интенсивностью того и другого процесса наблюдается прямо пропорциональная зависимость. Конструкции с модальными глаголами, соответствующие по своему значению императиву и оптативу, имелись уже в готском.

Однако в готском число подобных конструкций, а также их употребительность были невысоки, так как класс модальных глаголов только начал формироваться из полнозначных глаголов. Более продуктивны подобные конструкции в других германских языках, начиная с древнего периода их развития. Не могло не способствовать их развитию и дальнейшее ослабление формальной маркированной императива и оптатива (субъюнктива). Особенно возрастает их продуктивность в связи с утратой некоторыми языками данных форм, являвшихся в системе наклонений периферийными.

Во-вторых, не совпадают структурные функции модальных глаголов. Участие модальных глаголов в большинстве языков в образовании кондиционалиса не могло не повлиять на возможность их использования в функции выражения внутренней модальности; например, в современном английском языке употребление модальных глаголов «shall» и «will» в качестве модальных сильно ограничено по сравнению с немецкими «sollen» и «wollen», что связано с их использованием в качестве вспомогательных глаголов при образовании футурума и кондиционалиса.

Параллелизм двух указанных процессов свидетельствует прежде всего о тесном взаимодействии грамматики (в данном случае морфологии) и лексики. Как в той, так и в другой области протекает процесс развития от более низкой к более высокой степени абстракции.

Внешняя модальность предложения (реальность/нереальность) характеризуется большей степенью абстрактности и, чем внутренняя модальность (возможность, желательность, необходимость).

В этом смысле перестройка системы наклонений связана с продвижением системы наклонений на более высокую ступень абстракции.

Не менее очевиден подобный сдвиг и у группы глаголов, развивающихся из полнозначных в модальные. Становление группы модальных глаголов можно рассматривать как первый шаг в истории германских языков к развитию категории «частичных слов», способных в

конструкциях с «полными» словами развиваться в направлении морфологизации и образования аналитических форм наклонений.

Однако параллельно с тенденцией к абстрагированию существовала, по-видимому, и тенденция к конкретизации, так как переход функции выражения внутренней модальности от наклонений к модальным глаголам способствовал, конечно, конкретизации значений внутренней модальности.

При анализе исторического соотношения наклонений и конструкций с модальными глаголами необходимо учитывать, во-первых, неоднородность значений оптатива, императива и субъюнктива, во-вторых, неоднородность класса так называемых «модальных» глаголов.

Речь идет прежде всего о неоднородности значений внутренней модальности и волеизъявления говорящего, хотя обе функции представлены как в системе наклонений, так и в системе модальных глаголов.

К примеру, глагол «хотеть» связан первоначально с категорией волеизъявления, о чем свидетельствуют как особенности его спряжения, так и употребление его при императиве или в конструкции «*accusativus cum infinitivo*» (ср. готск. «*wijau, wairp hrains*» – «Хочу, стань чистым!», где «*wiljau*» сочетается с императивом; «*ha wileits taujan mik igqis*» - «Что хотите, чтобы я вам сделал?» где «*wiljan*» сочетается с конструкцией «*accusativus cum infinitivo*», и «*Herodia . . . wilda imma usquiman jah ni mahta*» - «Ирод... хотел его убить, но не смог» где «*wijan*» сочетается с инфинитивом, как все модальные глаголы.

Глагол «позволять» (англ. *let* и т. д.), причисляемый иногда к модальным, не имеет ничего общего с выражением внутренней модальности выражая в большинстве случаев зависимость субъекта действия от чужой воли и сочетающийся с конструкцией «*accusativus cum Infinitivo*».

Не случайно, по-видимому, глагол «позволять» не вошел в группу претерито-презентных глаголов (как это произошло с глаголом «хотеть»).

На протяжении всей истории германских языков глагол «*позволять*» в конструкциях, приближающихся по своему значению к императиву: англ. «Let' go».

Среди наклонений и их компонентов необходимо выделить прежде всего субъектив, утративший собственное модальное значение. Оптативу и императиву были свойственны две функции: выражение волеизъявления и внутренней модальности.

Однако, если в императиве эти функции всегда совмещаются, то оптатив мог употребляться для выражения внутренней модальности без какого-либо оттенка волеизъявления (в значениях возможности, сомнения).

В связи с этим не наблюдается четкого соответствия между отдельными наклонениями или их компонентами и отдельными модальными глаголами: большинство модальных глаголов может выступать в конструкциях, соответствующих разным формам, каждая же из трех соответствует конструкциям с различными модальными глаголами.

Поэтому переход функции выражения внутренней модальности от наклонений к модальным глаголам не сводится к замене одних средств другими. В плане содержания имели место размежевание функций волеизъявления говорящего и внутренней модальности, конкретизация значений внутренней модальности; в плане выражения, пополнение парадигмы модальных глаголов, переход глагола «*хотеть*» во всех языках в группу претерито-презентных глаголов, изменения в сочетаемости (глагол «*хотеть*» в настоящее время не сочетается с императивом или с конструкцией «*accusativus cum infinitivo*», как это имело место на готском языке. Не случайно также модальные глаголы не образуют формы императива ни в одном языке вплоть до настоящего времени.

В готском языке в этой функции мог выступать лишь глагол «skulan». Он же выступал в значении будущего и в делиберативных вопросах, а также в переспросах (в значении сомнения). В других древних германских языках

модальный глагол долженствования также употреблялся в аналогичной функции.

Существенным отличием древних западногерманских и скандинавских языков от готского было употребление в той же функции других модальных глаголов, в первую очередь глагола *«mussen»*, что связано с расширением модальных глаголов.

Как правило, модальный глагол в таких случаях в индикативе. Однако в древнеисландском имелась *«skulu»* в презенсе оптатав+инфинитив, выражающая смягчение приказания *«Orlogom ycrom scylit aldregi segia seggiom fra»* - *«Никогда не следует говорить о своих прежних поступках»*.

Возможность выбора модального глагола в подобных конструкциях и, в некоторых, случаях возможность варьирования его формы говорят о том, что подобные конструкции были далеки от парадигмаствующих форм императива данные конструкции отличались оттенками внутренней модальности в то время как императив, являясь средством выражения волеизъявления, приобретает тот или иной оттенок внутренней модальности лишь благодаря контексту в интонации.

Особое положение занимают конструкции с модальными глаголами, выражающие косвенное побуждение (в~3 л. ед. или мн-ч) или же приглашение к совместному действию (в 1 л. мн; ч.), так как соответствующие формы императива отсутствуют во всех древних западногерманских и скандинавских языках.

В данном случае конструкции «модальный глагол + инфинитив» соотносимы с соответствующими формами оптатава ли индикатива, пополнившими впоследствии парадигму императива.

Конструкции с глаголом долженствования в 3 л. ед. и мн. ч. встречаются во всех языках. Пример: *«He had to go to see his mother»* – *«Он должен поехать увидет маму»*; др. - шв. *«konungars radh skal man tiya»*. *«Нужно провозгласить решение короля...»*; др.- исл. *«Vin sinom scal madr vinr vera»* - *«Другу следует платить дружбой»*.

Параллельное употребление 3 л. опатива и конструкции со «sculan и magan» наблюдается, например, в др.-англ.: «tan» - «Тот, кто убьёт своего отца или свою мать, должен поплатиться смертью» и «Se mon se be his jewealdes monnan ofslea, swalte se deabe» - «**Человек, который убьёт человека своей властью, должен умереть**» (из законов) - «meaj jehyre se be wylle».

Продолжается также конкуренция модальных глаголов долженствования (например, англ. «shall» и «must»). Ср.: «***Thou shalt not stir one foot to seek a foe***» и «***You must contrary me! marry, tis time***».

В дальнейшем, однако, модальный глагол долженствования «*shall*» постепенно вытесняется глаголом «*must*». Если первый из них в большинстве языков вошел в аналитическую форму будущего и кондиционалиса, то второй закрепился как средство выражения побуждения. Однако в большинстве языков конкуренция «shall» и «must» продолжается. Так, в современном английском «shall» + «инфинитив» занимает первое место среди эквивалентов императива. Однако исторически его продуктивность снижается за счет употребления «must».

Пример: «***You must take her back to the palace***» (B. Shaw); «***You must read the thing, I couldn't put it down***» (J. Galsworthy).

Поскольку формальная маркированность императива в английском и языке африкаанс утрачена, можно предположить, что в этих языках завершен процесс перехода функции выражения внутренней модальности от наклонения к модальным глаголам.

Следует отметить, что утрата императивом формальной маркированности не может быть критерием парадигматизации соответствующих сочетаний, так как на протяжении всей истории германских языков императив обнаруживает тенденцию к ослаблению и отмиранию не только как синтетическая форма, но и как форма наклонения; средства же выражения побудительной целеустановки предложения не обязательно должны включать морфологические единицы, вернее было бы сказать: включают их лишь пережиточно.

В языках, где формальная маркированность императива сохранилась, конструкции с модальными глаголами вытесняют полностью (в условиях трехчленной оппозиции индикатив/ирреалис/императив) или частично (в условиях четырехчленной оппозиции индикатив / ирреалис / субъюнктив / императив) формы императива, восходящие к оптативу (I и 3 л.).

Так, в современных датском, шведском, норвежском и нидерландском языках парадигма императива включает лишь формы 2л. ед. и мн. ч., либо единую форму для 2 л. обоих чисел.

Глагол «хотеть» почти во всех германских языках выступает главным образом подчеркнuto вежливых формах обращения. Ср. нем. «Wollen Sie, das Gedicht aufsagen!» (Th. Mann); англ. «Will you open the door, please» (B. Shaw), шв. «Prinsessa. vill ni nu gifta er med mig?» («Franska sagor»).

О частичной десемантизации глагола «хотеть» свидетельствует отсутствие прямого ответа собеседника о желании / нежелании совершить действие. Ср.англ. «Do you want to sell me the books? – No I don't».

1.1.1. Конструкции с модальными глаголами соответствующие оптативу (субъюнктиву)

Конструкции с модальными глаголами служат средством передачи чужой речи, за достоверность которой автор не ручается. Подобные конструкции встречались еще до образования субъюнктива, к примеру: др.-англ. «*same men saedon, ðaethe sceolde beon gefangen*» - «Некоторые говорили, что его взяли в плен» - «Бааъзехо мегуфтанд, ки гуё уро ба асири гирифта бошанд». Данные конструкции отличались от форм оптатива субъюнктива тем, что выражали большую степень сомнения.

Судьба подобных конструкций была неидентичная в разных языках и зависела прежде всего от других структурных функций данных модальных глаголов. Так, в английском, где сочетания «*shall*» и «*will*» с инфинитивом развиваются в аналитическое будущее время, сочетания «*should*» и «*would*» с

инфинитивом - в кондиционалис, функция передачи косвенности высказывания переходит к другим лексическим средствам. В ряде языков происходит замена одного модального глагола другим.

В немецком языке, где глаголы *«sollen»* и *«wollen»* не участвуют в образовании кондиционалиса и футурума, они сохранили функцию передачи чужой речи с оттенком сомнения;

«Unter den eingelaufenen Meldungen hob sich jetzt auch die Aussage eines gewissen Binder aus Weisenau heraus. Dieser wollte am vorigen Morgen in der-Sprechstunde des Arztes Löwenstein einen verdächtigen «Mann bemerkt haben...» (A. Seghers); «Ich bin Tischler. Ich soll Hoch- und Landesverrat begangen haben».

Перечисленные конструкции выражают косвенность высказывания с оттенком сомнения. Иными словами, они никогда не были синонимами субъюнктива, не заменяют они его и в тех языках, где он вышел из употребления. Как правило, в конструкциях, имеющих значение сомнения, предположительности, неуверенности как правило, встречались в вопросительных предложениях, например:

«How can it be?» - «Как это может стать» - «Чи тавр ин тавр шуда метавонад»; «Как может быть результат там, где нет действия?»; «Whre can he be now? Где он может сейчас быть?» - «Холо дар кучо бошад?».

При передаче косвенной речи без оттенка сомнения во всех языках, где нет субъюнктива, употребляется индикатив или ирреалис. Сочетания же с модальными глаголами, обнаруживающие некоторую степень грамматикализации, не могут рассматриваться как формы наклонения, а представляют собой устойчивые словосочетания с грамматической направленностью.

Таким образом, конструкции с модальными глаголами, соответствующие императиву, оптативу, субъюнктиву, не обнаруживают той степени морфологизации, которая позволила бы считать их аналитическими

формами. Поэтому наряду с тенденцией к совпадению форм опатива (субъюнктива) и императива с индикативом, во всех языках существует также тенденция к переходу функций этих форм к конструкциям с модальными глаголами, обнаруживающим некоторую степень морфологизации.

Взаимосвязь модальных глаголов с наклонениями является неоднородной. В своем значении модальные глаголы обладают некой схожестью к императиву, опативу, субъюнктиву, нежели в сравнении с ирреалисом. Несмотря на более обильную действенность в сотрудничестве с ирреалисом, это происходит в итоге того, что развитие происходит быстрее. Несомненно, две эти категории - наклонение и модальные глаголы взаимодействуют между собой, сохраняя свою специфику - степень абстракции модальных понятий, проявляющаяся в разных видах.

Все же, это отличие не является полным и внушающим, так как нет точного стабильного состояния выражения внутренней модальности, она все время колеблется между наклонениями и модальными глаголами, и при таком образе действий часто утрачивает свою функцию.

Для четкой иллюстрации внешней и внутренней модальности имеет определенную специфику в случае, если наблюдается сочетание с категорией наклонения. В виде примера рассмотрим английский и немецкий языки, где проясняется внутренняя модальность глагольными средствами; внешняя модальность вследствие наличия наклонений, кондиционалис, восходящий к конструкции с модальным глаголом долженствования. Что касается немецкого языка, то изображение внешней модальности наблюдается только посредством наклонений, стоящие в любой форме; местами пропадая, имеет реальный вид и сочетается с глаголами внутренней модальности.

1.2. Исследования категории модальности в русском, таджикском и английском языках

Вопросы модальности и средств её выражения была и остаётся одной из главных проблем в лингвистике. Она является сложной категорией с точки зрения её языковой реализации, круга входящих в неё значений и характера взаимовлияния с другими языковыми категориями.

«Лингвистический энциклопедический словарь» даёт следующую формулировку: «Модальность – (от ср. лат. *modalis* – «модальный»; лат. «*Modus*» – «мера», «способ») функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого» [89].

«Модальность является языковой универсалией, она принадлежит к числу основных категорий естественного языка» [52].

Несмотря на огромное количество исследований, посвященных анализу категории модальности, её грамматической сущности, объектом споров и разногласий среди лингвистов все ещё продолжают оставаться такие вопросы, как определение содержания понятия «модальность», средства и способов её выражения в разных языках и др.

Весьма продуктивно и интересно наблюдать способы проявления модальности в рамках одного из языков, где выявляются очевидные отличия её применения в той или иной форме – при использовании богатого словарного запаса, изменении тональности высказывания или на грамматическом уровне. Но при сравнительном анализе этих проявлений в различных языках их спектр представляет широкое поле варьирования и даёт богатейший материал для изучения, так как модальность в разных языках обнаруживается неоднозначно. Это можно, например, наблюдать в процессе использования модальных глаголов (например, в русском: *«может, должен»*; в таджикском – *«тавонистан, донистан»*). Имеются различия от

применения других модальных слов (например, в русском языке: *«кажется, пожалуй»*; в таджикском – *«ба хаёлам, мумкин»*).

При изучении специальной литературы, в которой анализируется категория модальности, обращает на себя внимание следующий парадокс: в то время как одни авторы предлагают расширять количество модальных значений, другие, наоборот, являются сторонниками их сокращения.

По сути, только академик В.В. Виноградов и его последователи придерживаются взгляда о достаточно широком диапазоне этого явления в языке. Это характеризует анализируемый нами вопрос как один из основных и спорных в лингвистике и призывает к дальнейшему, более углубленному его изучению.

В своём исследовании мы постараемся проанализировать существующие концепции модальности, обобщить представленные в русистике и в таджикском языкознании точки зрения учёных на данную категорию, определить её семантический диапазон, сопоставить средства выражения модальности (персуазивности) в русском, таджикском и английском языках.

В данной работе при описании категории модальности мы исходим из понимания модальности как функционально-семантической категории, выражающей:

1) отношение содержания высказывания к действительности с точки зрения говорящего – объективная модальность со значением реальности и ирреальности;

2) отношение говорящего к содержанию высказывания – субъективная модальность.

По нашему мнению, функция категории модальности состоит в том, что она (модальность) даёт определённую характеристику высказыванию (речи). А выражается эта функция посредством семантики лексических и грамматических средств.

Так, метод функционально-семантического подхода состоит в особом интересе к смысловой стороне языковых явлений, идёт поиск связи между смыслом и формой, причём функциональная грамматика берёт смысловой элемент в качестве основного. Понятие функционально-семантического подхода является одним из центральных в функциональной грамматике. Оно определяется как явление, базирующееся на определенной семантической категории и представляющее собой единство грамматических и лексических единиц, а также различных комбинированных средств, взаимодействующих на основе общности их семантических функций.

Например, восприятием модальности как универсальной семантической категории требует учёта антропоцентрического фактора в языке, поведения человеческой личности в процессе коммуникации (коммуникативные установки и эмоциональное состояние автора речи, условия речевого общения, способы воздействия на адресата речи и т.п.), так как категория модальности выражает отношение говорящего к объективной действительности.

Огромное внимание к проблеме языковой модальности находит отражение в большом количестве исследований, как русских, так и таджикских лингвистов, касающихся её сущности, разновидности модальной семантики, структуры модальных средств (В.В. Виноградов, И.Р. Гальперин, Г. Л. Золотова, П.А. Лекант, М.В. Ляпон, С.С. Ваулина, Б. Ниёзмухамедов, Н. Маъсуми, А.З. Розенфельд, М. Ибрагимова, А. Халилов, Д.С. Негматова и многие другие). При этом важно заметить, что развитие новых направлений изучения в современной лингвистике (разработка функциональной грамматики, социолингвистики, лингвистической прагматики и др.) нашло закономерное выражение в характере изучения данной категории.

В.В. Виноградов в своей работе «О категории модальности и модальных словах в русском языке» классифицировал средства выражения модальности и наметил их функциональную иерархию. Он пишет: «Так как предложение, отражая действительность в ее практическом общественном

сознании, естественно отражает отнесенность (отношение) содержания речи к действительности, то с предложением, с разнообразием его типов тесно связана категория модальности» [27]. Таким образом, данную категорию учёный включает в сферу синтаксиса, где она устанавливает позицию говорящего по отношению к действительности. В.В. Виноградов использует как синонимы термины «модальные значения», «модальные оттенки», «экспрессивно-модальные оттенки», к которым причисляет «всё то, что связано с отношением говорящего к действительности». Модальными признаются:

- значение желания, намерения, стремления произвести или производить какое-нибудь действие;
- изъявление воли к осуществлению какого-нибудь действия, просьба, повеление, приказание;
- эмоциональное отношение, эмоциональная характеристика, морально-этическая оценка, эмоционально-волевая квалификация действия;
- значения ирреальности (гипотетичности);
- значения уступки, допущения, обобщения, заключения;
- количественная и качественная оценка отдельных мыслей из состава сообщения [25].

При определении данной категории следует, в первую очередь, анализировать значение лексем и способы их функционирования в языке. Далее – оценочное отношение реального объекта действительности и субъективного способа его выражения.

Языковые единицы, относящиеся к категории модальности, помогают человеку оформить ясное, логичное по смыслу и существу высказывание в точном соответствии с семантикой и грамматикой языка. Причём высказываемая фраза может иметь разное построение и значение. Например, говорящий может зафиксировать любой реально существующий факт:

«Сегодня утро очень холодное» - «Имруз хаво хеле хунук аст» - «To day is cold».

«Надвигаются чёрные тучи» - «Абрхои сиёх осмонро пахи карда истодаанд» - «Black clouds are covering the sky».

В выражении также может быть обнаружена яркая экспрессия:

«Не люблю такую погоду!» – «Ин хел хаворо дуст намедорам!» - «I don't like such kind of weather»;

«Опять пойдёт дождь» - «Боз борон меборад!» - «Again it rains!».

В то же время в высказывании, построенном из аналогичных языковых единиц, могут содержаться другие эмоции:

«Как жаль, что сегодня утро холодное» - «Афсус, ки имруз хаво хунук аст» - «It is pity that the weather is cold»;

«Дождь – это не так уж и плохо» - «Rain also is not bad» – «Борон хам он катар бад нест».

Мы видим, что смысл каждого высказывания и её грамматическое оформление продиктованы индивидуальным отношением к реальному явлению или событию. Отсюда можно сделать вывод, что семантическое содержание высказывания определяется особенностями мышления и восприятия действительности индивидуально каждым говорящим.

При таком подходе анализ языковых явлений направлен «как от семантики к средствам, так и от формы к функциям» [13].

Функциональный подход к языку основывается на понятие языковой системы «как инструмента мысли и коммуникации», «как системе средств, служащей какой-то определенной цели» [21].

При функциональном подходе в основе выделения единиц лежит семантическое тождество, базирующееся на общности выполняемой коммуникативной функции.

Такой подход воплощает семантико-функциональный принцип рассмотрения модальных слов с опорой не на формальные или релятивные ее свойства, а на значение и функционирование в речи.

Т.Б. Алисова в своём труде «Дополнительные отношения модиуса и диктума» отмечает: «Рассматривая модальность предложений различных по

коммуникативной направленности, следует отметить их специфическую структуру, их многослойность. При этом обнаруживается определённая связь между модальностью и целевой установкой говорящего, или коммуникативной функцией высказывания» [3].

Учёный определила, что при общении двух субъектов возникает формирование фразы, которая может содержать в себе констатацию факта, вопрос или побуждение:

«Сегодня очень жарко (констатация факта)» - «Today is very hot»;

«А у вас на юге сейчас очень жарко? (вопрос)» - «Is it hot in the south»;

«Дождётся, и мы тёплой погоды (побудительный стимул)» - «Will we have warm weather?».

Попытки объединить различные уровни языка проводились разными лингвистами, в частности, А.М. Пешковским, Л.В. Щербой, В.В. Виноградовым, и многими другими, положившими начало разработке учения о понятийных категориях. К данному времени наметилось два основных подхода к категории модальности: узкий и широкий; или формальный (осуществляемый в направлении от формы к содержанию) и семантический (от содержания предложения - к формам его выражения).

В нашем исследовании мы отталкиваемся от широкого понимания категории модальности, принимая за основу грамматическую концепцию В.В. Виноградова, в которой представлен путь от семантического содержания к различным грамматическим и лексическим средствам его выражения.

Несмотря на множество концепций в понимании модальности, все они единодушны в признании основного (инвариантного) модального противопоставления - противопоставления реальности / действительности ирреальности / недействительности. На эти основные значения могут наращиваться частные модальные смыслы. Г.А. Золотова называет их «вторичными видами модальных характеристик» [46].

Что же касается уточнения типов частных модальных значений, то здесь мнения лингвистов расходятся. Сторонники логико-понятийного подхода к модальности различают лишь значения возможности и невозможности [63], а сторонники коммуникативного подхода говорят о большом числе модальных значений и среди них даже о таких, как боязнь, надежда, ожидание [64; 10].

В таджикском языкознании вопросам специфики функционирования языковой модальности, её внутреннего членения и соотношения с другими категориями были посвящены труды ученых-лингвистов Б. Ниёзмухамадова, Н. Маъсуми, Ш. Рустамова, М.Н. Касымовой, М. Исматулоевой, Ф. Зикриёева, В.С. Расторгуевой, А.З. Розенфельда, М. Ибрагимовой, А. Халилова и многих др., хотя, повторимся, эта проблематика до сих пор мало изучена.

Для того чтобы выделить категорию модальности, исследователям пришлось более глубоко изучить множество способов объективного и субъективного формирования смысла речи. И если с объективным содержанием выражения учёные сходятся в мнениях – речь идёт о реальном факте действительности, то с субъективным - дело обстоит сложнее. Дело в том, что каждый человек по-своему оценивает продукт собственного высказывания (речи).

Анализируя модальность в таджикском языке на основании фактического материала, значение и способы их выражения как синтаксической категории, выражающей отношение высказывания к действительности, с точки зрения говорящего, можно присоединиться к широко распространённому мнению о выделении трех аспектов модальности в речи [53, 46, 77], которые заключаются в следующем:

1) объективная модальность, выражающая отношение высказывания к действительности в плане реальности. Эти значения обычно выражаются формами предложения;

2) субъективная модальность, выражающая отношение говорящего к действительности, истинности сообщения. Этот способ выражается в основном лексико-грамматическими средствами или содержится в структуре предложения имплицитно;

3) вторичная модальность, которая выражает связь между субъектом и предикатом в ее отношении к действительности. Эти значения выражаются, как правило, лексическим значением слов различных частей речи в составе сказуемого и главного члена предложения.

Как в русском, так и в таджикском языкознании представляется несомненным наличие следующих взаимодействующих способов выражения модальности:

а) морфологические - особые формы глагола, т.е. наклонения; модальные значения глагольных форм;

б) синтаксические - порядок слов и модальные значения, обнаруживаемые в разных типах структуры предложения;

в) лексические - значения модальных слов, словосочетаний, модальных глаголов, союзов, частиц, междометий и т.д.

г) просодические - модальные значения интонации (мелодика речи, логическое ударение, интенсивность, темп, такт), выражающие - на уровне предложения - различные синтаксические значения, а также экспрессивные и эмоциональные оттенки, дополняющие основное значение передаваемой мысли.

Сразу же хотим отметить, что ввиду обширности данной темы, мы исследовали только морфологический и лексический способы и средства выражения категории субъективной модальности.

Многие исследователи склонны считать, что модальность, выражаемая модальными словами, носит несколько иной характер, чем модальность, обозначаемая формами наклонения. Модальные слова передают модальные отношения более тонко, дифференцированно и отчетливо, чем наклонения глагола. Категория наклонения как морфологическая категория вне

конкретного содержания предложения выражает обобщённое отношение к действительности самого глагольного действия.

Однако такое богатство тончайших оттенков модальных значений, какие выражают модальные слова, формы наклонения выразить не могут.

Говоря о грамматической природе модальных слов, А.М. Бордович указывает на переход знаменательных частей речи в разряд модальных. Более того, он подчёркивает, что «модальные слова - сравнительно новая категория, сформировавшаяся в результате морфолого-синтаксического или синтактико-морфологического словообразования» [14].

При этом им отмечаются два основных пути формирования модальных слов:

1. Из сказуемого главного предложения в составе сложноподчинённого в результате утраты данным сказуемым предикативной функции.

2. Из наречий-обстоятельств в результате утраты обстоятельственной функции.

Первый путь образования модальных слов - это качественное преобразование структуры отдельных сложноподчинённых предложений в простые. Например, в разных по структуре предложениях: **«Возможно, что мещане об этом и не забывают»** и **«Возможно, мещане об этом и не забывают»**.

В последнем предложении слово «возможно» потеряло свою лексическую и синтаксическую значимость и выражает модальное значение предположения с оттенком возможности при сказуемом бывшего придаточного предложения. Подобный путь образования модальных слов свойственен большинству слов, соотносительных по форме с глаголами, краткими прилагательными среднего рода, наречиями. Примечательно, что общим для них является способность выступать в функции сказуемого.

Второй путь возникновения модальных слов связан с утратой наречиями обстоятельственной функции:

«Это уже наверное – деревня»;

«Это уже, наверное, деревня»;

«This can probably be a village».

В первом предложении *«наверное»* - наречие; во втором - модальное слово, выражающее предположение с оттенком вероятности.

Не менее важным является и вопрос о том, можно ли уже говорить о сформировавшейся особой части речи - модальных словах, или же следует констатировать, что эта категория ещё не сформировалась, что к ней тяготеет значительное число слов, представляющих разные части речи, что они ещё не оторвались от соответствующих лексико-грамматических категорий и т.п.

Модальные слова в современном таджикском языке рассматриваются как особая лексико-грамматическая категория с присущими ей морфологическими, синтаксическими, семантическими и стилистическими признаками, возникновение и развитие которых связано с утратой основного первоначального конкретного лексического значения и приобретением ими с течением времени разнообразных смысловых модальных оттенков.

Иначе говоря, модальные слова занимают одно из специфических мест, являясь средством выражения категории модальности.

Выделение разряда модальных слов как особой части речи в таджикском языке наталкивается на значительные трудности, связанные, прежде всего, со сложностью разграничения синтаксической функции вводных членов предложения и грамматическим обособлением слов и выражений, семантика которых способствует наиболее частому их употреблению в этой функции.

В русском языкознании взгляды лингвистов относительно происхождения модальных слов совпадают. Возьмём за основу классификацию В.В. Виноградова. Он подразделяет модальные слова на следующие группы:

- Отглагольные: кажется, значит, видишь ли и т.д.
- Наречные: решительно, бесспорно, конечно и т.д.
- Отыменные: правда, словом, в частности и т.д.

Прежде всего, отметим, что происхождение модальных слов, переход различных частей речи в разряд модальных единиц, а также заимствование лексических элементов из других языков в состав модальных слов таджикского языка - всё это представляет собой существенный эволюционный путь, где устаревшие полнозначные слова с течением времени начали терять свои основные конкретные лексические значения и постепенно стали приобретать новые значения и смысловые оттенки. Так происходила динамика преобразования слов различных частей речи и переход их в категорию модальных слов.

В таджикском языкознании происхождение модальных слов исследовал Ш. Рустамов. В работе «Классификация частей речи и место имени существительного в их системе» Ш. Рустамов исследует происхождение (соотносимость) модальных слов и делит их на следующие группы: от имени существительного (*илохи, эхтимол, рости, афсус, афташ, хулоса, халос, хайф, дарег, хайрият*); от прилагательного (*хайр, хуб, хуш, бешубҳа, бегумон, табиӣ, дуруст, рост*); от глагола (*бошад, шояд, бигузур, биё, мон, раваду, рафту, хезаду*); от наречия (*вокеан, зохиран, тахминан, хақикатан, одатан, шахсан, хусусан, махсусан, аслан, зотан, такрибан, табиатан, инсофан, ҳаётан, расман, нисбатан, зимнан, ҳатман и др.*) [73].

Пример: «*Афсус (it is a pity) ки, ман паррандагон барин парвоз карда наметавонам*» – «*Жаль, я не умею летать как птицы*»;

«*Аз афти кор, (may be) мо имруз хам ба сахро рафта наметавонем*» - «*Очевидно, мы и сегодня не сможем выйти в поле*».

Конкретнее, источники и пути пополнения состава модальных единиц таджикского языка представляются следующими:

1. За счёт различных лексических единиц самого словарного фонда таджикского языка. Этот процесс также можно считать длительным и довольно непростым. В частности:

а) слова, которые перешли в разряд модальных слов без фонетических изменений: *афсӯс, бас, дарез, кошки, ҳаргиз (как жаль, и всё, увы, правильно, если бы, никак).*

б) многозначные слова, имеющие двойкий характер, т.е. выступающие в речи как полнозначные (как член предложения), так и как модальные единицы речи в соответствующих выражениях. К этой группе относятся, в основном, слова глагольного происхождения: *рост, дуруст, нағз, биё, биёед, бошад, набошад, мон, монед, раве, раведе, исто, исто ки* и пр.

в) переход аффиксальных слов, образованных с помощью суффиксов, префиксов, союзов, словообразовательных частиц, местоименных суффиксов, которые впоследствии стали составной частью этих элементов.

Например, словообразовательными суффиксами -и, -о: *«рости» (правда, на самом деле); «мабодо» (как бы, не дай бог, в случае), «дарезо» (жаль, как жаль, увы);*

В сочетании с соединительным союзом -у: *«рафту, раваду» (как бы, вдруг);*

В сочетании с отрицательными частицами ма, на-: *магар (возможно, разве только, разве), мабодо (не дай бог, как бы); набошад (в таком случае, если так, а не то), наход (неужели).*

В сочетании с глагольной приставкой -би: *бифармояд (прошу вас);*

В сочетании с соединительным союзом «ва» и отрицательной частицей -на: *ва + гар + на = вагарна (а то, а не то, иначе, в противном случае);*

В сочетании с предлогом ба: *ба рости (в самом деле);*

В в сочетании с подчинительным союзом ки: *наход ки (неужели), гӯё ки (будто, будто бы, как будто, якобы), истед ки (подождите-ка), афсӯс ки (как жаль).*

г) Переход фразеологических сочетаний: *аз афташ, аз афти кор (повидимому, как видно, очевидно), аз ду сар (обязательно), на ин ки (не только, неужели, не то что), ба ҳамин тарик, (таким образом)* и пр.

2. За счёт заимствованных лексем из других языков, в частности, узбекского языка. Например, служебные слова - *ана, мана (вот, вон, эта), тўғри (правильно, хорошо)*, которые закрепились в словарном фонде таджикского языка: *ана халос (вот тебе на), ана ҳамин тавр (вот таким образом), ана аз ҳамин сабаб (вот по этой причине), ана гапу мана гап (вот тебе и раз)* и т.д., в которых ана является составной частью этих сочетаний.

3. Переход слов, заимствованных из арабского языка, в разряд модальных слов таджикского языка. Этот процесс имеет глубокую историю - сотни арабских слов, начиная с 7 века, ассимилировались в словарный состав таджикского языка. Часть из них сохранила своё лексическое значение, часть потеряла свой конкретный лексический смысл и приобрела новые смысловые оттенки, аффиксировалась, изменилась и по форме.

Как отмечает А. Халилов, среди подобных модальных слов выделяются следующие группы:

А) Слова, перешедшие без изменения: *ачиб, ачаб (удивительно), тавба (раскаяние), хайр (ладно), маъкул (благоразумно, приемлемо), хайф (жалко, как жаль, увы)* и др.

Б) Слова, перешедшие с арабским суффиксом -ан: *зоҳиран (вероятно, по-видимому, очевидно), аслан (по сути дела, на самом деле, по существу), нисбатан (сравнительно), табиатан (естественно), хақиқатан (поистине, действительно, подлинно)* и т.п.

В) Слова, перешедшие с суффиксами -ат, -ят, -от, -ёт: *нихоят (наконец, в конце концов), хайрият (добро, хорошо)* и др.

Г) Некоторые арабские слова с таджикским словообразовательным суффиксом -и: *илоҳи (как бы, если бы, дай бог, только бы)*.

Д) Слова с таджикским суффиксом -о: *ачабо (странно, удивительно, поразительно), хайфо (жаль, жалко, как жаль), илоҳо (как бы, только бы), ҳақ (несомненно, правда)*.

Е) Арабские слова, принявшие таджикский местоименный суффикс -аш(-ат, -атон, -ашон): *аслаш (в самом деле), майлаш (ладно, хорошо)* и др.

Ё) Арабские слова в сочетании с таджикским предлогом дар: *дар воқеъ (между прочим), дар ҳақиқат (на самом деле, действительно)* и др.

Ж) Арабские слова в сочетании с таджикским предлогом ба: *бахайр (хорошо, ладно - выражения согласия, одобрения)*.

З) Арабские слова в сочетании с предлогом бе: *бешубҳа, бешак (несомненно, бесспорно, безусловно)*.

И) Арабские слова в сочетании с подчинительным союзом ки: *хайрият ки, модом ки, хусусан ки* и т.д. [80].

Все слова – исконно таджикские и заимствованные не были подвержены изменениям, придерживаются изначальной конструкции. В основном в таджикском языке самым распространенным способом изменения слов являются аффиксы, но в случае модальных глагольных слов, подобно наречиям они не служат словоизменительной функцией, так как уже внедрены в сам состав слов.

В качестве модальных единиц также употребляются и целые сложные словосочетания (составные), воспринимаемые как лексические единицы. Например: *аз ду сар, бе шубҳа (несомненно), эҳтимол дорад (может быть)*. Компоненты этих сочетаний принадлежат к различным частям речи.

При образовании таких фразеологизированных сочетаний их компоненты теряют своё конкретное лексическое значение и в целом приобретают новые модальные значения и оттенки.

При переходе полнозначных слов в категорию модальных, отмечает Н.М. Шанский, они наравне с изменением своих значений приобретают характер омонимов [84].

К категории таких лексем в таджикском языке относятся слова «**рост, дуруст, мон, рав, биё**» и ряд других, которые имеют двойное значение. Ср.: «*Ман рохро ба ту нишон додам, ту акнун рост рав*» – «*Я дорогу тебе*

показал, ты теперь прямо иди» - «Рост, ман хам шохиди ин ходиса будам» – «Правильно, я тоже был свидетелем этой истории».

В первом предложении слово «рост» является наречием и выполняет функцию обстоятельства. Во втором – слово «рост» является модальным словом, подтверждающим высказывание субъекта речи.

В таджикском языке имеется ряд модальных единиц, перешедших из разряда глаголов, которые в процессе своего развития языка приобрели новые функции, связанные с утратой тех или иных грамматических значений и развитием модальных оттенков. К этой группе можно отнести слова: *бас, бигзор (бигузур), биё, бифармояд, бояд (мебоист), бошад, гардам, гуё, исто, мабодо, мон, рафту, раваду, нахонд, хоҳишмандам, шояд* и другие.

Эти, в основном препозитивные, побудительные модальные единицы, выступающие при формах повелительного наклонения и аориста, употребляются для выражения повеления, побуждения, дозволения или приглашения к совершению действия.

Модальные слова, транспонирующие из класса глаголов, отходят от системы прежних форм и превращаются в самостоятельные слова, передающие значения: предположения, сомнения, вероятности, заключения, вывода, согласия, сравнения, конкретизации, противоположительности, возражения, возможности и др.

На наш взгляд, глаголы, перешедшие в категорию модальных слов, принимают характер служебных слов, которые употребляются в неизменной форме, и их выбор при употреблении принадлежит автору.

В современном таджикском языке в составе модальных слов глагольного происхождения нет заимствованных, все они принадлежат данному языку и имеют двузначный характер: употребляются и как члены предложения (в качестве полнозначного глагола), и в качестве модальных слов.

Ср.: *«Ман бошам, бо онҳо алоқаи гайрирасми мекардам» – «Я же с ними имел неофициальную связь» [117].*

«Бисёр мехоҳам, ки дар он ҷо бошам» – «Очень хочу там быть» - «I would like to be there».

В первом предложении глагол «бошад» выступает в функции частицы (же), во втором – как полнозначный глагол.

Субъективная модальность подверглась строгому анализу как в русском, так и в таджикском языках, в результате чего проявились несколько мнений ученых, не согласных друг с другом, одно противоречащее другому. У каждого из лингвистов-языковедов оказались противоположные взгляды на тему модальных глагольных единиц.

В русском языкознании нет единого мнения относительно принципов классификации модальных слов по значению. Одни исследователи выделяют 4 группы модальных слов по значению, например, В.В. Виноградов и А.Н.Гвоздева, другие - Е.М. Галкина-Федорук, Н.М. Шанский и К.В.Горшкова в учебнике «Грамматика русского языка» [35] – делят их на 2 группы.

В.В. Виноградов, анализируя смысловую структуру слова, выделяет четыре основных грамматико-семантических категорий слов. «Модальные слова не выражают связей и отношений между членами предложения. Они как бы вклиниваются в предложение или же присоединяются к нему. Они выражают модальность сообщения о действительности или являются субъективно-стилистическим ключом речи (верно, правда; по преданию, по слухам; к сожалению; к счастью и т.д.) [26].

По мнению В.В. Виноградова, функционально к модальным словам можно отнести всё, что в том или ином виде выступает в предложении с оттенком индивидуальной характеристики высказывания или эмоциональной экспрессии, и в таком случае объём этого класса возрастает до необычайных размеров.

Таким образом, в русском языкознании нет единого мнения о количестве и категориях слов и сочетаний, относимых к модальным словам (модальным единицам). Наблюдаются два взгляда: включение в категорию

модальных слов многих групп лексики, а также экспрессивно-эмоциональную лексику [25].

В противоположность такому подходу, Е.М. Галкина-Федорук выделяет только две группы модальных слов:

- а) слова, обозначающие уверенность, несомненность;
- б) слова, обозначающие возможность и предположение [34].

Глаголы в английском языке: «*can/could*», «*may/might*», *must/ought to/need*» в переводе на таджикский выглядят следующим образом: «*тавонистан*», «*лозим аст ки*», «*бояд*», «*шояд*», «*зарур (будан)*», «*њатман*» и т.д. Все они подразумевают, в зависимости от конкретного именно слова, использованного в предложении, такие смыслы как возможность действия, обязательная необходимость и заведомое подтверждение на его выполнение. Покажем несколько примеров: «*Selena can be able to enter there*» – «*Селена метавонад онъо дарояд*» – «*Селена может туда зайти*».

В этих примерах глагол *can* выражает способность и переводится на таджикский язык *тавонистан* (метавонам, метавонад). В таджикском языке модальный глагол "тавонистан" спрягается, в то время как модальные глаголы английского языка не имеют личных форм, форм инфинитива, причастия и герундия. Во избежание ошибок необходимо знать значения «*can*», «*may*», которые на таджикский язык переводятся как «*тавонистан*», а «*may*» имеет ещё и значение «*мумкин*»:

«*Ман метавонам ба он чо равам*» - «*I can go there*» - «*Ту метавони ба он чо рави*» - «*You can go there*» - «*Мумкин (ми) дароям?*» - «*May I come in?*».

Как видно из двух первых примеров, «*can/may*» переводятся словом «*тавонистан*», а в третьем примере «*may*» переводится. Поэтому следует подчеркнуть, что в отличие от «*can*» (*тавонистан*), модальный глагол «*may*» выражает разрешение совершить действие, обозначенное смысловым

глаголом, и в этом случае он на таджикский язык переводится словом «мумкин»: *«Ман бо равам, мумкин-ми?»* – *«May I go with you?»*

Когда «*may*» (*might*) выражает предположение о возможности осуществления действия, выраженного основным глаголом, он на таджикский язык передаётся словом «мумкин» (*ачаб не*): *«Мумкин (ачаб не): у дер монад»* – *«He may be late»* - *«эхтимол у монад»*.

Отрицательная формы модального глагола «*need*» могут образовываться при помощи вспомогательного глагола (*to do*) в соответствующей форме, при том смысловой глагол в этом случае употребляется с частицей «*to*». Следует отметить, что глагол «*need*» может иметь значение «*нуждаться в чём-либо*» (*ба чизе эхтиёч, доштан*); *«We need a long talk»* - *«Мо ба сухбати дуру дароз эхтиёч дорем»* осуществления действия, выраженного основным глаголом, он на таджикский язык передаётся словом «мумкин» (*ачаб не*): *«Мумкин (ачаб не) у дер монад»* - *«He may be late»*.

Глагол «*бояд*» употребляется для выражения необходимости, обязанности и соответствует английскому слову «*must*»: *«Ман бояд шуморо танхр гузорам»* - *«I must leave you alone»*.

Модальный глагол «*need*» также выражает необходимость совершения действия и соответствует в таджикском языке словам «*лозим*», «*зарур*», «*эхтиёч доштан*», «*даркор*», в зависимости от контекста: *«Ба ин чо омадан у шарт нест»* - *«Ба ин чо омадани у зарур нест»* - *«She need not come here»*.

Модальный глагол «*ought*» (*бояд*) выражает моральный долг совет. Например, *«She ought to come In time»* – *«У бояд дар вакташ ояд»*.

«*Ought*» перфектный инфинитив выражает порицание или упрек по адресу какого-нибудь лица, не выполнившего свой долг или поступившего, по мнению говорящего, неправильно:

«Шумо мебоист Салимро (хатман) бинед» (*Салимро дидани шумо лозим буд. Ба шумо лозим буд, ки Салимро бинед*) - *«You ought to have seen Salim»*.

Как видно из примеров, модальный глагол «ought» с перфектным инфинитивом можно передать на таджикский язык несколькими вариантами, и каждый из них имеет свою стилистическую окраску.

Кроме того, в отличие от таджикского языка, вспомогательные глаголы английского языка «*to be*», «*to have*» широко употребляются в качестве модального глагола.

Рассматривая глагол, имеющий модальное качество - «*To be*», мы познаем, что при его использовании автор предполагает обговоренное заранее действие, на таджикский язык этот глагол переводится как «*њатман*», а в русском его заменяет слово «*должен*»: «*My father said he is to go to work intime, no late*» - «*Падарам гуфтанд, ки бояд њатман дар ваќташ кор раванд, дер накарда*» – «*Мой папа сказал, что он должен быть на работе вовремя, без опозданий*».

Модальный глагол «*to have*» используется, когда имеется ввиду некая необходимость совершить действие: «*Lina may come*» - «*Луна шояд омада монад*» – «*Луна может придти*».

В данном случае слово «*шояд*» повышает степень возможного совершения действия, то есть Лина скорее всего придет.

В состав модальных глаголов зачисляются такие как: «*must*», «*shall*», «*will*» «*may*», «*can*» и другие.

Глагол «*Shall/will*» в предложении, находясь впереди начальной формы глагола, не имеют значительных различий, как если бы вместо «*Shall/will*» использовался глагол «*can*».

В случае, когда речь исходит от второго или третьего лица, выражая непереносимость, неотъемлемость и т.д., то глагол «*shall*» приходится в пору. Он имеет значение обещания, предостережения и высказывания угроз, к примеру: «*My cousin shall study well*» – «*Бародари ман њатман бояд хуб тањсил кунад*» – «*Мой двоюродный брат непременно должен учиться хорошо*».

Когда в предложении приходится сочетание глагола «*will*» с последующими местоимениями первого и третьего лица, то есть «*I*» и «*we*», то оно будет нести значение намерения, например: «*I will be there tomorrow night*» – «Ман дар он ӯо пагоњ шаб мешавам» – «Я буду там завтра ночью» // «*We will read that book together*» – «Мо ин китобро якљоя мехонем» – «Мы прочитаем эту книгу вместе».

В отличие от глагола «*Would*», который подразумевает возможность совершения и не совершения действия, то есть наличие выбора, а глагол «*Should*» выражает беспрекословную обязанность, рекомендацию, или замечание, как например: «*You should be more attentive*» – «Ту бояд каме хушёртар шавӣ» – «Тебе стоит быть более внимательным».

Слово «*Would*» - это модальный глагол, может быть употреблен в речи только посредством 1-го лица, оно выражает желание совершения какого-либо действия или полное согласие на его исполнение, к примеру:

«*The weather would'nt be clear*» – «Хаво безеб мешавад» – «Погода будет плохая».

Таким образом, в обоих языках модальные глаголы сами не обозначают действие, а придают различные модальные оттенки инфинитиву смыслового глагола. В отличие от английского языка, в современном таджикском литературном языке часть модальных глаголов принимают личные окончания.

В целях облегчения обучения особенностям английских модальных глаголов мы сопоставляем их с модальными глаголами английского;

Can	Қобилият, имконият	Тавонистан
May	ичозат, рухсат	мумкин, тавонистан
Ought (to-)	зарурат	бояд
must	шарт будан	шарт, лозим

В таджикском языкознании также нет единого мнения по этому вопросу. Например, в таджикском языкознании одни исследователи делят модальные слова по семантическим признакам на 11 групп [78], другие – на 3 группы [48].

В русском языкознании наиболее адекватно оценивающим и более схожим с нами взглядом на данную тему является взгляд М. Ибрагимовой. Ее цитируют во многих учебных пособиях, по ее теориям учат в большинстве образовательных учреждениях. Итак, она придерживается следующих делений слов модального качества:

«1. Выражающие уверенность, утверждение действительности: *албатта, рости, ба рости, ҳақиқатан, дар воқеъ* и т.д.

Например:

«- *Албатта ин вазифаро бояд иљро намоед*»;

« – *Неприменно вы должны выполнить это задание*»;

«-*Ҳақиқатан, гапи гуфтагиаш тўғри баромад*»

«- *Вправду, сбылось то, что он предсказывал*»;

«-*Ба рости ӯам ӯаво имрӯз гарм*»;

«-*Действительно, погода сегодня теплая*»;

«-*Ман дар воқеъ як чизамро дар мошин фаромӯш кардам*»;

«-*Кстати, я забыл одну вещь в машине*».

Выражающие неуверенность, предположение, возможность, сомнение: *бояд, мебоист, шояд, зохиран, ҳамоно, мумкин, эҳтимол, аз афти кор* и т.д.

Например:

«- *Шояд, ки андак замон ман ӯам меоям*»;

« – *Возможно, когда-нибудь я тоже приеду*»;

«- *Мумкин бошад, ин хатро фиристед*»;

«-*Если можно, отправьте это письмо*»;

«-*Дирӯз ман аз афти кор фаъмидам, ки беъ аз хона набароем*»;

«-Вчера, судя по ситуации, я понял, что лучше не выходить из дома»;

«-Бояд дарс гузарад»;

«- Урок должен состояться».

3. Выражающие вежливое обращение, просьбу: *мархамат, мархамат карда, илтифоте кунед, лутфан, хоҳшимандам, бифармояд* и др. [48].

Например:

«-Лутфан, шиносномаатонро гиред»;

«- Возьмите пожалуйста паспорт»;

«-Ба хонаи ман марҳамат кунед;

«-Добро пожаловать ко мне домой»;

«-Аз шумо эътиромона хоёиш менамоям, ки рӯзи душанбе китобро равон кунед;

« – Очень прошу вас отправить мне книгу в понедельник».

Не оставим без внимания добротную работу, проделанная Ибрагимовой, в работе которой классификация модальности значительно раскрылась, расширила рамки доступного, также выведены некие новые особенности взаимосвязи модальных единиц с лексемами, при использовании которых в речи оратора теряется какая-либо семантическая характеристика.

В «Грамматике современного таджикского языка» отмечается, что модальные слова придают высказыванию различные оттенки субъективного характера: совет, колебание, недоумение, иронию, удивление, недоверие и др. [34].

К вопросу о модальных частицах следует отметить, что среди учёных, как русских, так и таджикских также нет единого мнения о составе модальных частиц. По классификации И.П. Распопова и А.М. Ломова, модальные частицы русского языка подразделяются на 2 основных разряда: частицы с рациональной семантикой; частицы с модальной и эмоционально-экспрессивной семантикой.

Но, при сопоставлении модальных частиц русского и таджикского языков, мы обнаружили, что они в большинстве случаев эквивалентны:

Пример: *«Я видел точно такую же книгу»* - *«Ман айнан хамин хел китобро дида будам»*;

«Так, мы с вами не так договаривались» - *«Хуш, маслихати мо ин тавр набуд»*.

В таджикском языкознании модальные частицы исследованы М. Ибрагимовой. В своих работах она освещает вопрос пополнении разряда таджикских модальных частиц за счет других частей речи. М. Ибрагимова, проанализировав состав модальных частиц по происхождению, делит их на 5 групп:

- а) соотносимые с наречиями (*кани, низ, боз, фақат, танҳо*);
- б) именного происхождения (*ҳамту, ҳамин тавр, хайр, майлаш, хуб, хӯш, дуруст, охир*);
- в) соотносительные с глагольными формами (*мон, монед, биё, биёед, бигзор, мабодо, навод, рафту, раваду, гӯё*);
- г) соотносимые с местоимениями (*чи, худ, як*);
- д) соотносимые с союзами (*ки, магар, ҳатто, балки, кошки*).

Это первая попытка классификации модальных частиц и довольно подробная.

Например: *«Магар ту дируз дар назди донишгохи мо набуди?»* – *«Разве ты вчера не был у нашего университета?»* - *«Бигзор, ин гуфтаи ту рост бошад, амо онхо бовар накардан-ку»* - *«Предположим, что ты говорил правду, но они ведь не поверили»*.

Исследования В.С. Расторгуевой внесли прояснение в проблему способов выражения модальности, а именно грамматического способа - наклонения. Она детально описывает систему таджикского глагола и отличает основные модальные значения, выражаемые формами наклонения [67].

С.И.Баевский исследовал модальные глаголы персидского языка хостан, тавонистан, шоистан, боистан [9].

А. Халилов исследовал категорию субъективной модальности и средства её выражения в современном таджикском литературном языке. В его работе содержится анализ и оценка категории модальности с учетом степени изученности этой категории в современном таджикском языке. Он подробно описал субъективно-модальные значения модальных единиц таджикского языка [79].

В обоих, рассматриваемых языках не остается в стороне и сама натура фразеологизмов, в предложении они играют несколько ролей – личностные, эквивалентные, безэквивалентные. Благодаря их независимой смысловой структуре они также могут служить в виде метафоры, аллегии, сравнения, иронии, сарказма и т.д.

Когда оратор в своей речи прибегает к модальным фразеологизмам – четко выявляется вся специфика этого типа и проявляются отличительные качества их от других семантико-грамматических классов.

К примеру: *«Хорошо, что мы успели купить все до закрытия магазина!»* – *«Чи хел хуб аст, ки мо то махкамшави мағоза ӯама чизро харидем»* (оратор проявляет радость);

«Совсем не могу понять куда пропала моя книга!» – *«Ӣель намефаъмам, ки китоби ман куъо шуд!»* (оратор проявляет негодование).

Большой популярностью в таджикском литературоведении пользуются личные модальные глаголы.

Пример: *«Маълум мешавад, ки фардо дарси забони англисӣ намешавад, чун ки муаллим бемор шудааст»* – *«Выяснилось, что завтра урок английского языка не состоится, потому что учитель заболел».*

При глубоком рассмотрении всего материала, составлявшего переводоведение, видна эволюция модальной группы слов, в особенности этот процесс проходил в рамках русского языкознания. Модальность обрела

более высокий уровень - функционально-семантический. Относительно важно отметить старания таджикских и русских ученых, их нелегкий труд и вклад в развитие более осмысленного употребления глаголов модального качества в понятии функциональности и структуры.

«Языковая модальность – обширное и сложнейшее языковое явление, ее признаки не умещаются в рамках одноплановой операции деления как какой-нибудь конкретной грамматической категории, хотя она традиционно называется категорией. Модальность – это целый класс, система систем грамматических значений, проявляющихся на разных уровнях языка и речи. Широта и многоаспектная функциональная сущность модальности по праву определяют ей статус категории...» [58].

Понятие об объективной и субъективной модальности в русском, таджикском и английском языках.

В «Грамматике русского языка» определение модальности сводится к тому, что эта категория выражает отношение сообщения, содержащегося в высказывании к действительности. «То, что сообщается, может мыслиться говорящим как реальное, наличное в прошлом или настоящем, как реализующееся в будущем, как желательное, требуемое от кого-нибудь, как потенциальное, как недействительное и т.п.» [33]. «Русская грамматика» признаёт многозначность термина «модальность», под которым понимают «разные явления, объединяемые тем признаком, что все они так или иначе – грамматически, лексически, интонационно – выражают отношение говорящего к сообщаемому или сообщаемого к действительности» [33].

В соответствии с этой концепцией различаются 2 типа модальности, которые в том или ином виде, в тех или иных определениях представлены почти в каждой публикации, посвящённой проблемам описания модальных конструкций. Речь идет об известной дихотомии: субъективная/ объективная или внешняя /внутренняя модальность.

Роль этого противопоставления в организации категории модальности настолько бесспорна, что практически ни одно определение модальности не

может обойтись без указания на существующее и часто выражаемое соответствующими средствами языка различие в значении синтаксических структур, содержащих модальные компоненты.

Объективная модальность выражает отношение высказывания к действительности с точки зрения реальности. Такая категория всегда присутствует в предложении, и она составляет ядро предикативности в речи. Следовательно, «категории, выражающие отношение сообщения к действительности и подводимые под общее понятие «предикативности», могут быть свойственны предложению в целом - независимо от наличия глагола в его составе» [57].

Субъективная модальность выражает отношение говорящего к достоверности высказывания, степень убежденности говорящего в реальности или ирреальности того, о чем говорится в предложении. «Она выражает лишь ту оценку адекватности этого отражения, которая даётся субъектом мысли, указывает на степень достоверности содержания предложения, с его точки зрения. Следовательно, она не является компонентом конкретного содержания предложения и выступает лишь как формально-грамматическое значение независимо от того, выражается ли она специальными морфемами или служебными словами с модальным значением. Субъективная модальность выступает как их формальная характеристика» [63].

Следует отметить, что между этими двумя выражениями существует определённая взаимосвязь, которую необходимо анализировать и изучать в кругу одной грамматической категории. То есть, во-первых, субъективное отношение к содержанию речи обуславливается связью с действительностью. Если реальному высказыванию требуется дополнительный оттенок мысли, то говорящий в соответствии с этим употребляет в речи модальные единицы, при помощи которых может выражать свою оценку речи. Пример: *«На деревьях набухают почки»*; *«На деревьях, кажется, набухают почки»*.

Во-вторых, отношение говорящего к сообщаемому присуще не только субъективному выражению модальности, оно также передается и в объективном выражении формами глагольных наклонений. Если бы не было объективного выражения модальности в сообщаемой речи, не было бы основы для выражения субъективной модальности речи. Значит, объективное и субъективное выражение категории модальности в их взаимной связи создают общие модальные оттенки высказывания.

Пример: *«Жарко, пошёл бы дождь» - «It is hot there may be rain» - «Дождь, ну давай же, начинай лить!».*

В-третьих, отношение объективного выражения модальности (как реальное, так и нереальное) является первичным основанием модальности, а субъективное выражение модальности является, если можно так выразиться, комментирующим дополнением модальных оттенков речи. На этой основе оформляется содержание и отношение объективных и субъективных высказываний речи.

Пример: *«Праздник удался! Действительно, праздник удался!».*

Основным средством оформления объективной модальности является категория глагольного наклонения, а также некоторый порядок расположения главных членов предложения.

Пример: *«Вчера был день открытия Международной студенческой конференции. Сегодня конференция продолжит свою работу. Завтра будет торжественное закрытие конференции».*

В таджикском языке объективная модальность также выражается формами наклонений. В грамматике современного таджикского литературного языка, в отличие от русского, выделяется 4 наклонения: изъявительное, повелительное, условно-желательное и предположительное [75].

Но в ряде работ некоторые авторы рассматривают, и пять наклонений - изъявительное - сигаи хабари, повелительное - сигаи амри, условное - сигаи

шарти, желательное - сифаи хохишманди, предположительное - сифаи эҳтимоли [60].

В русском языке изъявительное наклонение может функционировать в настоящем, будущем и прошедшем временах, оно предполагает констатацию действительности, в случае, если предложение стоит в изъявительном наклонении, то речь не может иметь двусмысленный, неточный, предположительный или неуверенный в совершении действия характер.

К примеру, предложения в изъявительном наклонении, стоящие в настоящем времени:

«Юристы защищают права граждан страны» – «Хуқуқшиносон ҳуқуқҳои шаҳрвандони кишварро ҳимоя мекунанд»;

«Ночью город светится яркими фонарями» – «Шабона шаҳр бо чароғҳои равшан медурахшад».

Предложения, стоящие в будущем времени:

«Было ясно, что ты сдашь экзамен на «отлично» - «Маълум буд, ки ту имтиҳонро фаъол месупорӣ»;

«Увидев облака, я поняла, что сегодня ночью пойдет дождь» - «Абрро дида ман фаҳмидам, ки имшаб борон меборад».

Предложения, стоящие в прошедшем времени: *«Мы читали эту газету вчера – Мо ин рӯзномаро дина хонда будем» // «Сергей два года назад работал много – Ду сол пеш Сергей бисер кор мекард».*

«В отдельных случаях при определенном построении предложения или при наличии специфических модальных слов и частиц предложение, в состав которого входит глагол, имеющий одну из форм изъявительного наклонения, может обозначать и некоторые иные модальные оттенки с отклонением от выражения подлинной реальности действия. Но все оттенки содержатся не в семантике форм изъявительного наклонения, а вносятся в предложение различными дополнительными средствами, т.е. различным типом модальных слов и частиц, интонаций, характером построения предложения и т.д.» [68].

Пример: *«Албатта, мо имруз ба донишкада барои вохури бо ректор меравем»* – *«Конечно, мы сегодня пойдём в университет для встречи с ректором»*; *«Инак, хамаи шуморо ман ба спектакл таклиф мекунам»* – *«Итак, всех вас я приглашаю на спектакль»*.

Модальные слова *«албатта, инак, бале»* и т.п. в данных примерах употребительны для выражения дополнительных оттенков модальности речи. Они выражают субъективно-модальные значения.

Как известно, «изъявительное наклонение представляет собой систему видовременных форм, объединенных общим значением подлинной реальности, несомненности выраженного в них действия» [68], то есть ему всегда присуща категория времени, тогда как формы условно-желательного и повелительного наклонений лишены временных значений.

Сослагательное наклонение, его также называют условным, в отличие от изъявительного не несет точного свершения действия, оно только дает некую надежду, двусмысленный ответ или желательность, возможность, но никак не точный процесс. Эти характерные особенности сослагательного наклонения схожи как в русском, так и в таджикском языках.

Пример: *«Если бы вы подписали этот договор, все бы наладилось – Агар шумо ин шартномаро имзо мекардед, ӯамааш хуб мешуд»*.

А повелительное наклонение, в свою очередь – это своего рода повеление, в частых случаях сопровождается восклицательным знаком, что и дает предложению эмоциональный негативный оттенок. К примеру: *«Сядь на место и слушай!»* – *«Ба қоят нишааста гӯш кун!»*.

Имеются некоторые различия формы наклонений в таджикском и русском языках, одно из них - это наличие в таджикском четвертого наклонения, последнее – предположительное наклонение, обозначает действие предполагаемое. Второе различие - в таджикском языке форма повелительного наклонения не может стоять в начальной форме глагола.

Пример: *Шумо ба ман мегуфта бошед қуҷо равам – Не подсказали бы вы, куда мне идти.*

В русском языке предположительное наклонение выражается лексическими средствами, дополняющими значение глагола.

Что же касается роли лексических средств, при выражении модальности в формах изъявительного наклонения, М. Ибрагимова пишет: «В современном таджикском языке модальность может раскрываться не только временными формами изъявительного наклонения, но и при помощи лексических средств, которые уточняют, усиливают модальные значения глагольных форм.

Например, глаголы *«фикр кардан» (думать), «фарз кардан» (полагать), «гап задан» (говорить), «ба таъкид гуфтан» (утверждать), «фахмидан» (понимать), «хостан» (хотеть) и пр. могут уточнять и расшифровывать модальность последующего высказывания» [78].*

Пример, *«Аммо ман фикр мекунам, ки чавоби ту бехтарин буд» – «Я думаю, что твой ответ был лучшим».*

«Ман мехоҳам, ки соли дигар ба Донишқадаи мили ба хондан равам» – «В следующем году я хочу пойти учиться в Национальный университет».

«Субъективная модальность, то есть отношение говорящего к сообщаемому, выражается самыми разнообразными языковыми средствами: интонацией, специальными синтаксическими конструкциями, словопорядком, повторением слов, сочетаниями знаменательных слов с частицами, междометиями, вводными словами и сочетаниями слов (иногда их называют «модальными словами»), а также разнообразными комбинациями этих средств. Круг субъективно-модальных значений очень широк, и сами эти значения, почти всегда экспрессивно окрашенные, не во всех случаях могут быть строго и однозначно определены» [67].

М.А. Дмитриевская в работе «Логический анализ. Знание и мнение» отмечает: «Наблюдается тенденция к смещению акцента «пропозиция – реальный мир» в сторону рассмотрения «субъект – пропозиция» [40].

Такой подход широко охватывает понятие модальности, многообразие её проявлений в языке и неизбежно приводит к тому, что субъективность находится в прямой зависимости с оценочной категорией, присущей речи каждого отдельного индивидуума.

Естественно, что употребление модальных единиц речи зависит от уровня интеллекта, объёма знаний, индивидуального эстетического вкуса и т.д.

Пример: *«Не правда ли, весна - самое красивое время года?»;*

«Не разделяю твоего восторга. Все времена года имеют свою красоту»;

«Ну, посмотри, как вокруг всё цветёт и пахнет»;

«Я всё-таки утверждаю, что все времена года хороши».

Объектом беседы служит реальный факт природы. Субъективное высказывание к этой реалии выражено противоположным отношением субъектов речи. При этом используется различное лексическое и грамматическое оформление речи.

Выражение объективно-модальных и субъективно-модальных значений в речи, как отмечает И.А. Филипповская, "выражает отношение к действительности связи между субъектом - носителем признака и предикативным признаком как возможной, необходимой и т.п.» [76]. Эти же оттенки передаются в речи главным образом в лексических значениях слов различных частей речи в составе сказуемого и главного члена односоставных предложений и особыми синтаксическими структурами.

Такую структуру в таджикском языке образуют в основном безличные предложения, сказуемые которых выражены модальными словами «мумкин», «даркор», «лозим», «шарт», употребляющиеся в сочетании с инфинитивом.

Пример:

«Пагох имтихон будааст, ба вай таёри дидан лозим аст» – «Завтра будет экзамен, необходимо к нему подготовиться»;

«Ин корро сари вақт тамом кардан даркор» - «Эту работу необходимо закончить вовремя»

Субъективная модальность выражается на уровне логико-грамматического членения предложения.

Приведём примеры следующих разновидностей предложений:

- 1) **«Ветер затих»;**
- 2) **«Ветер, вероятно, затих»;**
- 3) **«Ветер, может быть, затих»;**
- 4) **«Ветер, кажется, затих»;**
- 5) **«Ветер, конечно, затих».**

Из приведенных примеров видно, что значения степени достоверности содержания предложений, за исключением простой достоверности, выражаемой формой изъявительного наклонения глагола (первое предложение), передаются различными модальными единицами.

Сопоставляя взгляды учёных по вопросу происхождения и семантики модальных единиц в исследуемых языках (русского и таджикского), мы можем сказать, что в этих двух языках очень много идентичных модальных единиц.

Например, к модальным единицам, выражающим уверенность говорящего по отношению к содержанию своего высказывания относятся: **«албатта» - (конечно), «ҳатман» - (обязательно), «рост» - (правда), «зимнан, ҳақ, алҳақ, дуруст, хамин тавр» - (правильно, верно), «хайр, майлаш, рози, маъкул, бигзор» - (ладно, хорошо, согласен), «ҳақиқатан, дар ҳақиқат» - (действительно, на самом деле), «бешубҳа» - (несомненно), «хуб/хуш» - (хорошо) и др.**

К модальным единицам, выражающим сомнение, предположение или неуверенность в сообщении говорящего относятся: **«гуё» (как будто), «бояд, лебоист, боист» (должно быть), «зохиран, тахминан» (предположительно), «мабодо, одатан, рафту, раваду, эҳтимол» (может**

быть, возможно), «шояд, шояд ки» (вероятно), «аз афташ» (повидимому), «мумкин аст» (пожалуй), «аз афти кор» (очевидно) и др.

«- Бешубха, мо ба гуфтаҳои шумо рози хастем» – «Бесспорно, мы согласны с вашими высказываниями»;

«Дар хакикат, ин иморат аҷоиб зебо аст» – «Правда, это здание очень красивое».

Они аналогичны с модальными единицами русского языка. Подробное исследование субъективной модальности в сопоставляемых языках размещено во второй главе.

1.2.1 Модальность желания (оптатив) в таджикском языке в контрастивном сопоставлении с русским языком

Оптативная модальность, выражающая желательность наступления какого – либо события с точки зрения говорящего часто называется «субъюнктив». «В типологическом плане термину «subjunctive» (в русскоязычной литературе *конъюнктив*) этимологически может также соответствовать другой термин, conjunctive». [16]

Однако, как выясняется учёными, это не совсем одно и то же, особенно если исходить из латинской и греческой терминологической традиции.

«В сущности, термин «conjunctive» ближе к классической традиции: латинское «coniunctivus» обозначает общее название наклонения, а сочетание «coniunctivus subiunctivus» использовалось применительно к употреблению конъюнктива в придаточных предложениях (термин же «subiunctivus» является переводом греческого «hypotaktikos» - «придаточный» или «подчиненный»). Позднее термин «subjunctive» стал использоваться как синоним термину «conjunctive». Несмотря на это, в лингвистической литературе «subjunctive» присутствует также в своем исходном значении.

Главное различие между древнегреческим конъюнктивом и оптативом заключается не в том, что оптатив, в отличие от конъюнктива, используется главным образом для выражения желания. Скорее всего, целесообразнее

было бы сказать, что оптатив относит ситуацию к сфере возможного, в то время как конъюнктив - к сфере вероятного» [16]. Наиболее распространённое название этого вида модальности в русском языке, пожалуй – «*сослагательность*». По семантической характеристике данный вид модальности может граничить и совпадать со значениями повеления (императива), желания (оптатива), а также с формой будущего времени изъявительного наклонения. Наиболее общим его признаком является выражаемое им намерение, которое отличает его от повелительной модальности, имеющей директивную направленность, а также от будущего времени изъявительного наклонения, посредством которого обычно констатируется прямое предвидение развития события.

В таджикском языке оптатив в качестве самостоятельного наклонения не выделен, т.к. в нём не представлен морфологический (т.е. аффиксальный) способ грамматикализованного выражения данного вида модальности через глагольные формы, как это происходит, например, в случае предположительного наклонения [93].

Следовательно, можно утверждать, что выражение оптативной модальности в таджикском языке реализуется лексико-грамматическим способом, который связан, главным образом, с такими словами, как «мабодо» и «кошки» (кошкӣ), которые учёными причисляются к разряду модальных слов [62].

В зависимости от контекстуальных особенностей речевой ситуации вышеупомянутые единицы обычно выступают в сочетании с формами императива или конъюнктива:

1. *«Хабардор шавед ака! Мабодо сагатон ба ман дарнаафтад» – «Проследите брат! Как бы ваша собака на меня не напала».*

2. *«Кошкӣ тезтар ягон кор меёфтам аз ин бозоршинӣ халос мешудам» – «Вот бы мне поскорее найти работу и избавиться от просиживания на базарах».*

Из приведенных примеров видно, что модальные слова «*мабодо*» и «*кошки*» выражают волеизъявление говорящего: если первое выражает нежелание (т.е. опасение) наступления события, то второе выражает, обратное - желание наступления такового.

В первом примере чётко прослеживается различие между императивом и оптативом, выражаемыми посредством одной и той же парадигмы, в данном случае повелительного наклонения. В первой части примера (в первом предложении) выражена эмоционально окрашенная директивность (приказание), а во второй части желание (нежелательность-опасение), которое реализуется через ту же форму императива, хотя императивность приобретает «размытый» характер посредством модального слова «*мабодо*», переводящее действие, к которому оно направлено в ирреальный план.

Видно, что в русском языке семантика повеления первого предложения оформляется аналогичным таджикскому языку образом, а во втором предложении используются формы отрицания прошедшего времени глагола, описывающего соответствующее действие в сочетании с модальным оборотом сослагательной модальности т.е. с участием частицы «*би*».

В случае второго примера мы наблюдаем употребление для описания действия формы «*сиғай шартӣ-хоҳишмандӣ*» (конъюнктив), предваряемой вводным модальным словом «*кошкӣ*».

С учётом полисемичности¹ в таджикском языке формы сочетания префикса «*ме*» и прошедшего простого времени, следует отметить выражение условной части конъюнктива, (*сиғай шартӣ-хоҳишмандӣ*), т.е. оптативная модальность здесь актуализируется благодаря модальному слову «*кошкӣ*», которое связывается с этим предложением сложносочинённого типа, представляющим собой два элемента (*меёфтам/мешудам*) условия наступления события, абстрагируемого ирреальностью плана представления в виде желательности.

¹ имеется в виду случаи, когда посредством данной формы могут выражаться длительные действия в настоящем и прошедшем времени.

Парадигма выражения оптатива в русском языке здесь отличается ещё более разительно, чем в случае первого примера, т.е. здесь оптатив реализуется посредством инфинитивных форм глагола (*найти, избавиться*) в сочетании с сослагательным оборотом с участием частицы «*бы*».

1.2.1.1. Модальное слово «*мабодо*»

Известно, что данная лексема может выступать в качестве частицы, выражая желание говорящего, чтобы событие не наступило т.е. его опасение, что событие наступит и в качестве союза, выражая условие, при котором должно наступить событие [93].

Значение нежелательности здесь заключено в отрицательной частице «*ма*», которая в сочетании с повелением «*бод*» в значении «*пусть будет*» представляет грамматикализованную форму в виде самостоятельной лексемы [62]. Слово «*мабодо*» формально представляет собой прохибитив, [44] обозначающий, как известно, отрицаемое повелительное наклонение, хотя высказывания с участием данного модального слова нельзя классифицировать как повелительные.

Следует отметить, что употребление лексемы «*мабодо*» не всегда связано с нежелательностью события (с точки зрения говорящего). Она может выступать вместо таких модальных слов как «*рафту*», «*раваду*» отражающие неожиданность, случайность наступления события [62].

Пример: «*Мабодо-ку аз ту қарздор-парздор набудам, - гапро ба шӯҳӣ бурданӣ шуд Мансур*» – «Уж не задолжал ли я, **часом**, тебе, - Мансур хотел было отшутиться».

Видно, что в речевой ситуации, описанной в примере есть оттенок нежелательности возможного наступления события, хоть и неявно, но

имплицируется его случайностью (говорящий опасается неожиданно оказаться в роли должника).

Пример: «Метарсид: мабодо касе пеш аз хона расидан, он хабари шумро ба ӯ расонад, ё изҳори ҳамдардӣ кунад» – «Боялся, что вдруг кто-то сообщит ему эту дурную весть или примется выразить соболезнование до того как он доберётся домой».

Здесь мы наблюдаем случайность наступления события, выражаемая модальным словом «мабодо», которое характеризует пропозициональное содержание высказывания.

Однако случайность не всегда бывает нежелательной, например: «Мабодо-ку Уротеппа намеравед?» – «Вы случайно не собирались поехать в Ура-Тюбе?».

В таджикском языке весьма распространёнными являются случаи, когда модальное слово «мабодо» употребляется в «усечённом» варианте т.е. в виде «мабод», что особо не влияет на общий смысл высказывания. Все же этот вариант выражения менее окрашен художественно и относится в большей мере к разговорной речи.

Кроме того, его употребление характерно для союзных предложений (т.е. с участием союза «ки») данного типа. В таких случаях данное модальное слово выступает в вводной позиции (т.е. в главной части) предложения, которая связывается с придаточной его частью посредством подчинительного союза «ки», например: «**Мабод**, ки очаам ба доми Оташбасар **афтад**...»- «Возможно, мама попадет в сети Оташбасар...».

В такого типа конструкциях «двойное» отрицание не наблюдается. Отрицание в вводном слове «*мабод*» характеризует посредством подчинительного союза «*ки*» всю пропозициональную суть высказывания. Значение подобного типа таджикских высказываний на русский язык обычно передаётся при помощи инфинитивной формы глагола в сочетании с:

- сослагательным оборотом:

*«Возможно, мама **попадет** в сети Оташбасара...»*

- фразеологическими оборотами оптатива типа «*не дай Бог*», «*не приведи Господи*» и т.д:

*«Не дай Бог маме **попасть** в ловушку Оташбасара...»*

Оборот «*не дай Бог*» может быть употреблён также и в сочетании с формой настояще-будущего времени глагола:

*«Не дай Бог мама **попадёт** в ловушку Оташбасара!..»*

При общей модифицирующей роли отрицательной частицы «*не*» семантико-стилистические оттенки выражения оптатива существенно различаются: в некоторых примерах и оптативные обороты непосредственно связаны с глаголом-сказуемым и выражаемое опасение направлено на сам процесс протекания события, тогда как в иных случаях оптативный оборот больше направлен на конечный результат наступления события и это обстоятельство приравнивает оборот «*не дай Бог*» к междометиям. На письме такие случаи, чаще всего предполагают наличие восклицательного знака.

Можно утверждать, что употребление варианта «*мабод*» в контексте случайности события является более частотным нежели «*мабодо*»:

Например: «Пеш аз он ки аз роғи дарвоза нигарам, дуздона ба атроф чашм давондам, ки мабод, омадани маро ва ба ин хавлӣ нигоҳ кардани як шахси бегонаро касе мушоҳида мекарда бошад» – «Перед тем как смотреть через щель ворот вовнутрь, я озирался по сторонам,- вдруг кто видит- как я, незнакомец, украдкой наблюдаю за чужими дворами».

Модальное слово «*мабод*» могло быть заменено словами «*рафту*» или «*раваду*» без искажения смысла высказывания. Следует отметить, что здесь наблюдается тот случай, когда неожиданность имеет оттенок нежелательности, поэтому при передаче смысла высказывания на русский язык вместо «*вдруг*» можно использовать исконное значение лексемы «*мабод*»:

Пример: «Перед тем как смотреть через щель ворот вовнутрь, я озирался по сторонам,- не дай Бог кто видит- как я, незнакомец, украдкой

наблюдаю за чужими дворами». Т.е. семантика неожиданности здесь имплицитруется оборотом «не дай Бог».

В таджикском языке распространено употребление лексикализованного словосочетания «*рӯзи мабод*» с участием данной лексемы, соответствующего по значению выражению «чёрный день» в русском языке, которое обозначает (преимущественно потенциальную) непредвиденно плохие финансовые возможности.

Рассмотрим отрывок из книги таджикского писателя Сорбона «Куллиёт»: «Бозор даст ба кисабағал бурд ва як пора куруте, ки барои рӯзи мабод руст карда мегашт, гирифт ва зери дандон шикастанӣ шуда, ба даҳон бурд» – «Бозор из бокового кармана вытащил припасённый на чёрный день кусок курута и поднёс ко рту, чтобы раздробить его зубами».

Следует заметить, что парадигматическая рамка таджикского выражения «*рӯзи мабод*» употреблена в несколько широком понимании, чем у русского «чёрный день». Слово «мабод» может восприниматься не только как имя прилагательное но и в субстантивированной форме (т.е. как имя существительное).

1.2.1.2. Модальное слово «кошки/кошкӣ»

В отличие от модального слова «мабодо», грамматический статус лексической единицы «кошки» в современном таджикском языке толкуется неоднозначно; в таких источниках, как «Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ» [94] и «Фарҳанги забони тоҷикӣ» [95] оно определяется как условная и усилительная частица, выражающая желание и сожаление. В свою очередь, в «Таджикско-русском словаре» [97] его представляют не только как усилительную частицу, но и как условный союз с теми же значениями. Однако в разделах, относящихся к частицам и союзам источника «Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик» [36] описание данной лексической единицы отсутствует.

Как известно, «в таджикском языке случаи перехода составных слов в разряд модальных единиц являются распространёнными. Здесь речь идёт о формировании составных лексем путём лексикализации словосочетаний, объединении корневых морфем и основ или иначе говоря, о составных словах, состоящих из двух и более морфем, которые выступают в качестве основы слов частей речи. В эту группу могут быть включены такие составные слова как «кошки», «корикалон», «мабодо». Модальное слово «кошки» по структурному типу является сложным. Первая часть «кош» в роли условного союза и выразителя желания и просьбы характерна для языка классической таджикской литературы. Слившись с подчинительным союзом «ки» (кош+ки= кошки) она приобрела сложную и неизменяемую форму» [61].

Следует отметить, что краткая форма «кош» - не редкость и в современной таджикской художественной литературе.

« - Чӣ гиря мекунед, оча? Ман намурдаам! Отам намурдааст -ку!
- Кош мемурд.»

Перевод:

«- Почему ты плачешь мама, я же жива, отец тоже не умер!
- Лучше бы умер»;

«Шахсеро мечуст, ки як лаҳза гӯё даричаи ғайбро бидушоду бихиштро ба ӯ намуд. Кош наменамуд!»

Перевод:

«Искал ту, которая словно бы на мгновение приоткрыв завесу тайны показала ему рай. Лучше бы не показала»!

В словарях более раннего издания, например, в «Фарҳанги забони тоҷик» [95] и «Таджикско-русский словарь» [97] наряду с «кошки» даётся также и вариант написания «кошкӣ», что не соотнобразуется с утверждением о слиянии слова «кош» с подчинительным союзом «ки», т.к. по форме написания (следовательно, и по произношению) «кӣ» должно соответствовать не подчинительному союзу, а местоимению, означающему

«кто». В новейших словарях, приводится только первый вариант написания (т.е. «кошки») этого модального слова.

Это обстоятельство, на наш взгляд, объясняется тем, что за годы постсоветского периода употребление варианта «кошки» стало превалировать в художественных, особенно в публицистических текстах, что обусловлено его большей практичностью, хотя вариант «кошкй» тоже продолжает использоваться достаточно активно.

«- Кошки, намегуфтам» – «Лучше бы я не говорила»;

«- Кошки ҳар-ром ме-мур-дй, офатзада!» – «Чтоб ты сдох-ла, про-кля-тая!»;

«Кошкй ҳамон рӯзи чавобдихй зудтар меомад» – «Поскорей бы настал день выписки (из госпиталя)»;

«Кошкй ҳамин гапҳои ман ба ту беақл кора мекард» – «Вот бы мои слова повлияли на тебя-дурака».

Приведенные выше примеры отражают случаи выражения желания с различными модальными оттенками посредством модального слова «кошки» в сочетании с формой условно-сослагательного наклонения. Мы видим желание выражаемое в контексте контрфактивной ситуации т.е. говорящий через «риторическое» (неосуществимое) желание эксплицирует сожаление о совершённом им действии в прошлом. Также в примерах присутствует метод обращения человека к собаке, представляющий собой одну из распространённых формул проклятия в виде желания смерти. Известно, что такие обращения человека к домашнему животному могут быть реализованы не в буквальном смысле, а в некотором «завуалированном» виде, т.е. проклинающие слова могут иметь, наоборот, ласкательное значение. Приведено выражение желания говорящего ускорить наступление события и передаётся отчаяние говорящего, имплицитное посредством желания.

Оптатив конструкций, в которых «кошки»² выступает в сочетании с формой условно-сослагательного наклонения (сиғаи шартӣ-хоҳишмандӣ) на русский язык передаётся аналогичным образом т.е. при помощи соответствующих лексических средств (оптативных оборотов с частицей «бы»). Однако это происходит не всегда: «Кошки ин разил ҳамдеҳаамон намебуд!-хитоб намуд касе».

Ясно, что передача смысла вышеприведенного высказывания на русский язык требует использования других, отличных от вводных оборотов с частицей бы лексических средств: «Жаль, что этот негодяй-наш односельчанин!-воскликнул кто-то».

Следует отметить, что оптативные значения могут оформляться посредством формы условно-сослагательного наклонения (сиғаи шартӣ-хоҳишмандӣ) также без участия модального слова «кошки»: имеются в виду её употребление для оформления обращений, выражающих просьбу (т.е. желание). Такие обращения наиболее характерны официально-деловой переписке: «Ба ҳалли масъалаи мазкур мусоидат мекардед».

Формулировка мысли подобным образом в таджикском языке содержит в себе подчёркнутую учтивость по отношению к адресату, что не может быть отражена при буквальном переводе на русский язык: « Не могли бы вы поспособствовать решению вышеуказанного вопроса».

В таких случаях точность перевода требует привлечения дополнительных лексических и лексико-синтаксических средств типа «пожалуйста», «не могли бы вы», «было бы целесообразнее» и т.д.

Ситуативность подобного рода наблюдается и в сочетаниях модального слова «кошки» с императивом, что связано с большей зависимостью от контекста в силу «будущности» аориста.

« - Кошкӣ, шумо ҳамроҳи ман ба Душанбе равед».

² Для удобства в дальнейших комментариях будем использовать вариант *кошки*, что подразумевает также и вариант *кошкӣ*.

Переводчику с таджикского на русский язык варианты оптативных оборотов: хорошо бы, отлично бы, вот бы и т.д. могут показаться подходящими, что продиктовано стремлением обеспечить наибольшую тождественность перевода оригиналу. Однако особенность этого высказывания такова, что речевая ситуация может предполагать случай ответной реакции говорящего, характер которой может угадываться только из контекста, поэтому текст перевода мог бы выглядеть более описательным образом, например: «Буду только рад, если вы поедете со мной в Душанбе» или: «Было бы прекрасно (отлично), если вы поедете со мной в Душанбе».

При определённых контекстуальных особенностях речевой ситуации возможен и такой перевод:

«Дай Бог, чтобы вы поехали со мной в Душанбе».

Часто в подобных конструкциях «кошки» выступает в сочетании с частицей «канй», которая может восприниматься в зависимости от контекста по-разному:

«Канй, кошкй хамин тавр шавад, муаллима, тоқиамро ба осмон партофта, давон – давон барои хабар додан ба назди Мамарачаб мерафтам, – гуфт Хотам» – «Ах, если бы только случилось такое, муаллима, я бы вприпрыжку, швыряя тубетейку в воздух, пустился бы к Мамараджабу, чтобы известить его об этом,- сказал Хотам».

В этом примере частица «канй» может употребляться не только в значении побуждения «ну-ка!», но и в значении «где?» намекая на призрачность осуществления желаемого, перекликаясь с вопросом «аз кучо?», внушающим скепсис, хотя вероятность наступления желаемого события не исключается.

В таких случаях обычно выражается сильное желание с оттенком сожаления граничащего с отчаянием, что в русском языке обычно передаётся сочетанием оборота если бы с междометием:

«О, если б в небо хоть раз подняться!..» [128].

В следующем примере наблюдается вариативность модальных значений, выражаемых на фоне оптатива, что также обусловлено особенностью аориста, заключающейся в его направленности на будущее.

«Кошкӣ ҳама чунин хештанро бифаҳмад ё худро чувтучӯ карда, дар ягон соҳа, дар ягон чо дарёбад» – «Хорошо бы, если все таким образом познали б себя или в ходе самопоиска самоутвердились бы где-нибудь, в какой-нибудь отрасли».

В вышеприведенном примере оборот «хорошо бы» в зависимости от контекста конкретной речевой ситуации мог быть заменён оборотом «пусть» или даже императивом в качестве непосредственного модификатора оптативной модальности:

«Пусть все таким образом познают себя или в ходе самопоиска самоутвердятся где-нибудь, какой-нибудь отрасли».

Следует отметить, что в таджикском языке имеется частица «бигузор» – полный аналог русского «пусть», а также английского «let», которая используется не только для выражения допущения, но и оптатива:

«Кош ин барқия иштибоҳе бошад, - аз дил мегузаронид вай. - Бигузор касе маро фиреб дода бошад. Бигузор...» - «Пусть эта телеграмма окажется ошибочной, - подумал он про себя,- Пусть окажется, что меня разыграли. Пусть...»

Оптативность русского императива «пусть» также как и таджикского «бигузор» обусловлена контрфактивностью описываемой ситуации. В этом можно убедиться сравнивая её с ситуацией в примере, приведенном ранее, где слова «пусть» и «бигузор» выступают в качестве модификаторов возможности (допущения) в контексте будущего времени, выражаемого аористом «шавад»:

«Бигзор тасхир кунад дунёро, ҷаҳонгир шавад... Оқибати кор чист? Чӣ мебарад ба гӯр? - «Пусть завоюет мир, станет его властелином... И что с того? Что он возьмёт с собой в могилу?».

1.2.1.3. Лексико-синтаксические и фразеологические средства оптатива

Как было показано выше, значение модального слова «кошки» в сочетании с формой условно-сослагательного наклонения не всегда следует переводить на русский язык эквивалентными оптативными оборотами с частицей «бы»:

«- Кошкӣ ҳамту мешуд. Аз забонат гардам»

В данном случае значение слова «кошки» лучше передать лексикализованным выражением желания в форме императива (обращения к высшей силе):

«Дай бог, чтобы это произошло»

Особенно в контексте второй части примера (второго предложения): «аз забонат гардам», которая представляет собой одну из распространённых в таджикском обществе фразеологических формул для выражения благопожелания. По-русски данная формула не может быть выражена адекватным образом буквально:

«Да вертеться мне вокруг языка твоего»!

Такое выражение несёт в себе отпечаток древних языческих ритуалов, когда перед тем как забить животное, полагалось его провести семь раз вокруг человека, который, как считалось, должен возвеличиться (очиститься, исцелиться и т.д.) вследствие этого жертвоприношения. Поскольку такой перевод в русском языке не может восприниматься адекватно, стараются переводить по смыслу:

«Да стать мне жертвой (ради этих слов)!»

В таджикском языке есть ещё ряд других оптативных фразеологических конструкций с подобной семантикой:

« - Аз нияти некатон гардам» – «Да, стать мне жертвой (ради твоих добрых намерений)».

«– Эҳ, садқетон гардам, писар» – «*Да пасть мне жертвой твоей (ради тебя), сыночек*».

На наш взгляд, употребление фразеологизированной формы аориста глагола «гардидан» в 1-м лице в вышеуказанных примерах имеет некоторое семантическое различие: если в некоторых примерах она связана с семантикой «ритуального верчения», на что указывает предлог «аз», то в других примерах она имеет значение «становиться» (*садқетон гардам-стану жертвой ради тебя*). Объединяет их то, что желание говорящего выражаемое в форме аориста данного глагола воспринимается опосредованно, равносильно обращению к третьему лицу; дело в том, что особенность действия жертвоприношения связана с его «адресованностью» высшим силам, следовательно желание говорящего «*пасть (стать) жертвой*» в данном случае обращено прежде всего к высшим силам, к богу. Такая «вербальная жертвенность» в конечном счете имеет целью благопожелание, выражаемое говорящим обычно в благодарность за какое-то удобное ему действие, совершенное соседником - объектом благопожелания. Такое благопожелание может выражаться также и в виде возвеличения, славословия:

«*Чонамо фидо бод-гӯён амин, оқсаққол, бой ва муллоҳо гулгула бардоштанд*» — «*Да будет жизнь наша жертвой!* — *зашумели амин, аксакалы, богачи и муллы*».

Бывает случаи, когда употребляется особая форма выражения благопожелания, основанная на предикативной позиции опорного слова:

«*Сари ман фидойи чунин шоҳ?!*» – «*Моя голова - в жертву ради такого шаха!*»;

«– *Шакар ба даҳанатон...*» – «*Сахар тебе в рот...*».

Благопожелания различного рода в виде клишированных словесных формул на основе формы аориста составляют целый пласт в лексике современного таджикского языка:

«- Акаи Соҳиб, хонаатон обод **бод!**» – «Акаи Соҳиб, да воцарит благоденствие в доме вашем!»;

«Дар ин хонадон тӯю тамошоҳо **шавад!**» – «**Пусть** в этом доме будут свадьбы и веселье!»;

«Чаноби олі музаффару мансур **шаванд**, ҳазрати шери худо ва Баҳовиддини балогардон камарашонро **банданд**» – «**Да будет** его высочество непобедим! **Да поможет** ему Аллах! **Да перепояшет** его святой лев, божий и отвращающий несчастья Бахауддин!».

В таджикском языке распространены благопожелания, упоминающие высшую силу в форме «илоҳӣ» и «илоҳо», которые употребляются как синонимы в качестве имени всевышнего, хотя первое представляет собой существительное, а второе - междометное обращение ко всевышнему:

«**Илоҳӣ**, ҳамин мошинҳои сабукрави тезтак, ки роҳи дури касро наздик мегардонанд аз кор **намонанд**, равгани Замин ҳам кам **нагардад**, ки ягон гӯристон мурдаи ин чаҳорпоёни заҳматкаши безабонро гунҷонида наметавонад» – «**Дай бог, чтобы** не ломались эти быстроходные легковые машины, горючей Земли тоже **чтобы** не кончалось, а то никакое кладбище в мире не сможет вместить останки этих безъязыких, четырехногих трудяг»;

«- Абдухалилҷон, нағз ҳастед, писарам. Хондан тамом шуд?

- Мешавад, амак.

- **Илоҳӣ шавад**»

Перевод:

«- Абдухалилджон, как ты сынок. Учёбу-то закончил?

- Заканчиваю, дядя.

- **Дай бог, чтоб** закончил».

«**Илоҳо**, хока гирӣ, зар гардад» – «**Дай бог, чтоб** земля в руках твоих превращалась в золото».

В таджикской речи также распространены случаи, когда клишированные словесные формулы на основе аориста употребляются с целью выражения:

- заверения, убеждения собеседника в правдивости своих слов или подкрепления обещания:

«*Ҳамсоя гуфт: «Муҳтарам, агар аз гуфтаат заррае хато кардам, Худованд ҷазои бадтарин сазо бинад. Агар яке аз дигаре муътабар доштам, ҳарду чашмам кӯр гардад!»* [122] – «Сосед сказал: «Уважаемый, если я хоть сколько-нибудь отклонился от твоих предписаний **пускай Всевышний накажет** меня строжайшим образом. **Ослепнуть мне в оба глаза** если я отдавал предпочтение одному из двух»;

«*Агар дурӯғ гӯям, санг шавам, кулӯҳ шавам...*» – «Если я вру, **камнем мне стать, прахом мне стать...**» ;

- беспокойства :

«– *Аз даҳанатон шамол барад... Худо нигоҳ дорад*» - «**Типун тебе на язык... Боже упаси!**»;

- оправдания:

«*Худо нигоҳ дорад, касеро наҳ заданӣ нестам*» – « **Боже упаси, никого задеть не собираюсь**»;

- отрицательной эмоции:

«*Сабил монад... сабил монад ҳамин хобҳои парешон!..*» – «**Проклятые...проклятые** эти беспокойные сны!..».

Наряду с благопожеланиями в таджикском языке распространены фразеологизированные и клишированные словесные формы в виде проклятий, употребление которых в речи аналогично благопожеланиям:

«*Зан...- Илоҳо дастакат шиканад, кабудата нӯшам, - гӯён ба нолидан оғозид*» – «**Дай бог, чтоб хребет у тебя сломался, чтобы** я носила синее платье в твой траур,- с этими словами женщина принялась нить-причитать»;

*«Аз тӯда гулгулаи сахт баромад:-Нест бод амир ва амалдорони ӯ!» –
«Долой эмира и его чиновников!».*

1.3. Фразеологизмы как средство выражения субъективной модальности

Модальные слова в русском языке могут выражаться и в виде фразеологических словосочетаний, идиом. Модальные фразеологизмы относятся к одним из важнейших средств оформления категории модальности в русском языке.

Виноградов В.В. в своей работе «О категории модальности и модальных словах в русском языке» отмечает: «Всё шире и шире в категорию модальности вовлекаются целые фразеологические сочетания, фразеологические единства и фразеологические сращения.

Эти фразеологические выражения являются лексикализованными словосочетаниями, компоненты которых после сращения отходят от своих основных лексических значений и приобретают в целом новые модальные оттенки. Состав таких фразеологических единиц очень разнообразен, соотносится со всеми частями речи, как самостоятельными, так и служебными словами: кстати сказать, собственно говоря, может быть, должно быть и т.д.» [26].

Модальные фразеологизмы по своей структуре схожи со структурой лексического значения модальных слов - вводных единиц и междометий. Они могут выражать эмоциональное отношение говорящего к высказыванию (огорчение, удивление, радость, восхищение, печаль, досаду, негодование и пр.).

Например, модальный фразеологизм «*к счастью*» выражает субъективно-модальное значение радости, облегчения. Это положительное отношение говорящего.

« - Но, к счастью, никто его не заметил » [99].

«И оказалось, что он, к счастью, ещё не ушёл» [101].

Модальный фразеологизм *«чёрт возьми»* выражает недовольство, возмущение. Это отрицательное отношение говорящего к своему высказыванию.

«-Так зачем же ты, черт возьми, с советом лезешь, ежели забыл?»

«- Кому мы, чёрт их возьми, помогли выиграть войну своими боками!» [106].

По семантике модальные фразеологизмы, выражающие эмоциональные отношения говорящего, можно разделить на две группы:

- модальные фразеологизмы, выражающие положительное отношение говорящего к высказыванию (радость; восхищение; удовольствие; восторг; удовлетворение; гордость; успокоение; торжество; облегчение и пр.)

- модальные фразеологизмы, выражающие отрицательное отношение говорящего к высказыванию (сожаление; досаду; огорчение; возмущение; гнев; упрек; укоризну; негодование; пренебрежение; злобу; раздражение; недоумение и т.д.).

К первой группе относятся следующие фразеологизмы: к радости; *«Боже мой»* (с учетом многозначности); *«слава Богу»*; *«к счастью»*; *«на счастье»*; *«к (моему, нашему...) удовольствию»*; *«вот это да!»*; *«вот то-то же!»*; *«знай наших!»*; *«ишь ведь!»*; *«ну и ну!»*; *«подумать только!»* (с учетом контекста); *«Бог в помощь!»*; *«Бог милостив»*; *«жить можно»*; *«лиха беда начало»*; *«слава тебе, Господи»*; *«милое дело»* и др.

Ко второй группе относятся следующие фразеологизмы: *«к (великой, моей) досаде»*; *«к несчастью»*; *«к сожалению»*; *«будь (ты, он, она) неладен (ны)»*; *«вот ведь досада»*; *«к (великому, моему) ужасу»*; *«как на беду»*; *«ко всеобщему неодобрению»*; *«не твоего ума дело»*; *«разрази тебя гром»*; *«только этого не хватало»*; *«фу ты!»*; *«вот еще; еще чего!»*; *«к черту!»*; *«черт бы (его, её, их) побрал»*; *«черт возьми, черт с (ним, ней, вами)»*; *«эх ты!»*; *«тьфу ты пропасть!»*; *«так тебе (им, ему) и надо»*; *«ну его к черту»*; *«как на грех»* и др.

Фразеологическая единица с компонентом Бог несет в себе не только положительную окраску предложения, но и отрицательную. Например, фразеологизмы: *«Слава Богу», «Боже мой!»* имеют несколько модальных значений:

«- А как мне надо было вас видеть... Боже мой, как у меня теперь сердце бьётся... – выражение радости и облегчения» [102].

«- Боже мой, какая мука! – выражение боли и отчаяния» [105].

Фразеологизмы, выражающие субъективно-модальные отношения, также могут иметь следующие значения: уверенность, неуверенность, предположение, сомнение, согласие и т.д.

К ним относятся следующие фразеологизмы: *«без (вне) сомнения»;* *«Бог даст»;* *«Бог весть»;* *«Бог (его, ее, их) знает»;* *«бьюсь об заклад»;* *«вряд ли»;* *«в (на) самом деле»;* *«должно быть»;* *«ей Богу»;* *«ещё бы!»;* *«ещё как!»;* *«как видно»;* *«казалось бы»;* *«кто знает»;* *«клянусь честью»;* *«(а) как же (иначе)»;* *«конечное дело»;* *«может быть»;* *«надо быть»;* *«накажи меня Бог»;* *«надо (так) думать»;* *«надо полагать»;* *«не правда ли»;* *«по существу»;* *«(судя) по всему»;* *«стало быть»;* *«хоть убейте»;* *«честное слово»;* *«ясное дело».*

Пример:

«- Это, без всякого сомнения, самая лучшая школа» [103] – значение уверенности.

«- А как же иначе, наши-то в степи ночуют, несладко им...» – значение согласия.

«- Черта с два! - протестовал Михаил Аверьяныч. - Это изумительный город!» – значение несогласия.

Необходимо отметить, что свойство модальных фразеологизмов выражать разнообразный круг модальных оценок и отношений определяется тем, что в реализации их содержательной структуры исключительно важную роль играют интонационное оформление, языковой контекст, ситуация речи.

Модальные фразеологизмы самый большой класс, выступающий как средство выражения субъективно-модальных значений в русском языке. Можно приводить бесконечно примеров с различными оттенками модальных значений. Это отдельная большая исследуемая проблема. Мы в своей работе попытались частично исследовать данную тему, раскрыв основные значения модальных фразеологизмов.

В таджикском языке фразеологические единицы также могут выражать субъективно-модальные значения. Фразеологические единицы, которые употребляются в речи как тождественные отдельным словам, являются для таджикского языка традиционными. Они имеют глубоко исторический характер. Эти устойчивые словосочетания очень широко используются в современном таджикском литературном языке.

Пример: идиоматическое выражение «аз ду сар», которое после сращения перешло в неделимую фразеологическую единицу, имеет несколько синонимичных значений: безусловно, конечно, обязательно, разумеется, непременно, неизбежно и т.д.

К модальным фразеологическим единицам таджикского языка можно отнести: «ба таври ин» (наверняка, определенно), «аз афти кор» (повидимому, вероятно), «дар омади гап» (кстати), «бе чуну чаро» (несомненно), «ин тавр бошад» (раз так), «рости гап» (по правде говоря), «бо вучуди ин» (он) (несмотря на это), «хуш ки бошад» (таким образом), «эхтимол дорад» (возможно, вряд ли, навряд ли, может быть), «хулласи калом» (следовательно), «кисса кутох» (короче говоря) и т.д.

По структуре эту категорию модальных фразеологических единиц можно разделить на две основные группы: а) фразеологические единицы изафетной конструкции; б) фразеологические единицы конструкции примыкания, глагольные и предложные сочетания [92].

«Модально-фразеологические единицы с изафетной формой в таджикском языке представлены следующей конструкцией: определяемое слово с постпозитивным определением. Имена, существительные и

прилагательные соединенные изафетом, представляют собой в предложении синтагму, объединенную единством выхода и отделенную от других слов паузой. Определительное изафетное сочетание фактически получает в предложении такое же синтаксическое оформление, как отдельное слово, поскольку все служебные элементы выносятся за его пределы и относятся к нему в целом, как к единице неделимой» [73]. Следовательно, эти изафетные словосочетания, превратившись в неделимую фразеологическую единицу, приобретают модальную функцию: аз афти кор (по-видимому, вероятно), ба назари ман (на мой взгляд), рости гап (правда, на самом деле) и др.

Например:

«- Аз афти кор одамон дар майдон бесабаб чамъ наомадаанд»

«- По всей видимости, люди собрались на площади не просто так»

«- Мачлис, ба ақидаи ман, тезу тунд гузаист»

- «Собрание, на мой взгляд, прошло бурно и напряженно»

В этих предложениях автор речи выражает уверенность высказывания.

Модально-фразеологические единицы конструкции примыкание, глагольные и предложные сочетания – это соединение двух или более знаменательных слов конструкцией примыкания или порядком слов, вместе с относящимися к ним служебными словами или без них, которые выражают единое понятие. Неделимые компоненты этой конструкции являются неотъемлемой частью этих идиоматических единиц. К ним можно отнести такие фразеологические единицы, как «*кисса кутох*» (короче говоря), «*хуш ки бошад*» (таким образом), «*эхтимол дорад*» (возможно, вряд ли, навряд ли, может быть), «*аз ду сар*», «*бе шубха*», «*бе гумон*», «*бе шак*», «*бе шакку шубха*» (обязательно, несомненно, бесспорно), ба ҳамин тарик (таким образом), «*бе чуну чаро*» (безоговорочно, без разговоров, без возражений), «*ин хел*» (тавр) «*бошад*» (если так), и т.д., которые выражают в предложении различные субъективно-модальные значения.

Например:

«- Бешубха, писарак аз хонандагони пешкадами мактаб хисоб меёбад»

«- Безусловно, мальчик является преуспевающим учеником».

«- Бе чуну чаро мо ба ин масъала равшани меандозем»

«- Без всяких сомнений мы внесем ясность в данный вопрос».

В этих предложениях также выражены субъективно-модальные значения утверждения. Автор речи уверен в своих высказываниях.

Модальные слова «хӯш», «хӯш ки бошад» (так, итак, если так), «ана», «ана халос» (ну и ну, вот тебе на), «ана чи тавр» (вот как), «ана аз ҳамин сабаб» (вот по этой причине), «ана гапу мана гап» (вот тебе и раз) и т.д. встречаются в составе фразеологических словосочетаний, где являются неотъемлемой частью этих единиц. Они выражают субъективно-модальные значения согласия, удивления, негодования.

Например:

«- Хӯш ки бошад, шумо мазмуни китоби хондаатонро накл кунед» - «Итак, расскажите нам содержание прочитанной вами книги».

«- Ана халос, ман гуфтам-ку аз ин одам кори хуб намебарояд» - «Вот тебе на, я же говорил, что от этого человека ничего хорошего ждать».

«- Ана чи тавр одамон метавонанд якдигарро фиреб диханд!» - «Вот как люди могут обманывать друг друга!».

Фразеологические единицы, как эквиваленты слов, носят часто синонимический характер по отношению к другим модальным единицам. Они раскрывают национальную специфику языка, его самобытность. Они отражают богатый исторический опыт народа, его культуру и быт.

Модальные частицы играют ведущую роль в определении субъективной модальности в русском, таджикском и английском языках. Являясь служебными словами, они в основном, используются в устной речи и выражают различные оттенки значений: уверенность, неуверенность, предположение, вероятность или иллюзорное представление о предмете речи

со стороны автора. К ним относятся: да, именно, точно, как раз, ровно, чуть не (выражающие уверенность высказывания); как бы, как будто, словно бы, если бы, поди, типа, никак и т.п. (выражающие неуверенность высказывания).

Изучив учебную и научную литературу по данной теме, мы убедились, что, как в русском, так и в таджикском, и в английском языкознании, единого мнения о составе модальных частиц, количества их разрядов не существует. Это объясняется широким диапазоном значений модальных частиц.

В работе «Основы русской грамматики» И.П.Распопов и А.М.Ломов подразделяют частицы на два основных разряда. Это «частицы с рациональной семантикой (т.е. выражающие разного рода смысловые оттенки) и частицы с модальной и эмоционально-экспрессивной семантикой (т.е. выражающие оценку говорящего своему высказыванию, чувства и настроения говорящего)» [66]. Эти учёные делят модальные частицы на следующие группы, которые в таджикском языке имеют свои эквиваленты:

- указательные частицы: *вон, это, вот*» (*ин, он, хамин, хамон*);
- определительные частицы: *именно, точно, просто, как раз, почти, ровно, чуть не*» (*айнан, аниќ, хамтур, ќариб, махз, ќариб ки*);
- выделительно-ограничительные: *только, лишь, хоть, все*»; (*хамаги, аќаллан, фаќат, хама*);
- усилительные: *ведь, даже, же*» (*охир, хам, ку*);

Среди частиц с модальной и эмоционально-экспрессивной семантикой можно выделить:

- утвердительные: «*да*», «*так*», «*ага*» (*ха, бале, оре*);
- отрицательные: «*не*», «*ни*», «*нет*» (*не, на, харгиз на*);
- вопросительные: «*ли*», «*неужели*», «*разве*» (*наход, оё, магар*);
- побудительные: «*ну*», «*давай*», «*пусть*» (*хўш, бигзор, бигзор*);
- модально-оценочные: «*авось*», «*вряд ли*», «*едва ли*», «*будто*», «*словно*» (*гўё, гўё ки, гумон аст ки, хеч не ки*);

- восклицательные: «ведь», «ну и», «страсть», «как», «что за» (охир, монед э, ин чи, ки).

Рассмотрим несколько примеров:

«- *Даже родные стены могут поддержать человека в трудную минуту*».

«- *Хатто дару девори хона инсонро дар лахзаҳои душвор дастгири менамоянд. Вон там находится наш дом*».

«- *Ана, хӯ дар он чо хонаи мо чойгир аст*».

«- *Именно так и выглядит это здание*».

«- *Махз хамин тавр бино ба назар менамояд*».

«- *Ведь он нас предупреждал, а мы не послушали его*».

«- *Охир вай моро огох карда буд, аммо ўро гӯш накардем*».

«- *Так, об этом мы с вами не говорили*».

«- *Хӯш, мо дар ин хусус бо хам гап назада будем*».

В этих предложениях использованы частицы с рациональной семантикой, которые сообщают предложению констатацию факта и нейтрального к нему отношения. Автор речи с помощью модальных частиц актуализирует, своё высказывание, вносит уточнение в суть сообщения.

Употребление частиц с модальной и эмоционально-экспрессивной окраской придают предложению совсем другую тональность.

Пример:

«- *Да, фильм оставил у меня незабываемые впечатления*».

«- *Бале, фильм ба ман тассуроти хуб боқи гузошт*».

«- *Нет, этим маршрутом вы не доедете до университета. - Не, бо ин хатсайр шумо ба донишгоҳ рафта наметавонед*».

«- *Ну и пусть будет нелегким моё задание. - Бигзор, ба ман исупориш вазнинтар бошад*».

Использование в речи частиц с модальной и эмоционально-экспрессивной семантикой позволяют автору высказывания выразить свои

чувства, дать оценку своему сообщению, отразить степень уверенности, предположения или сомнения.

В.В. Виноградов в своей работе «О категории модальности и модальных словах в русском языке» отмечает, что «в класс редуцированных слов-частиц включается ряд устойчивых фразеологических оборотов, фразовых единств и сращений» [25].

Как мы уже убедились, семантика модальных частиц широка и разнообразна. Частицы не только придают предложению модальные оттенки, но и могут поменять его суть и смысл. Например, утвердительное предложение, в котором отражен реальный факт, при употреблении модальной частицы может принять значение сомнения. Сравним:

«- Я завтра предоставляю доклад на конференцию. - Пагох ман маъруъзаамро ба конференсия пешниход мекунам».

«- Едва ли я успею завтра предоставить доклад на конференцию. - Гумон аст ки пагох ман маъруъзаамро ба конференция пешниход намоям».

В лингвистике довольно долго существовало мнение, что частицы не обладают лексическим значением. Затем было решено, что они все-таки обладают таким значением, так как придают предложению новый или дополнительный смысл. Эту проблему исследовал А.И. Смирницкий в работе «Лексическое и грамматическое в слове» следующим образом: «Частицы - это слова, имеющие определенное лексическое и грамматическое значение, но качественно отличающиеся от «автосемантических» частей речи, которые имеют предметно-вещественную и понятийную соотнесенность с миром объективной действительности, которой лишены частицы... Семантика слов делится на две части: особую, принадлежащую данному слову, и общую, принадлежащую всему данному разряду слов и проявляющуюся в каждом отдельном слове, как некая «категориальная» оболочка... У частиц категориальное значение преобладает над индивидуально-смысловым, создавая впечатление об отсутствии у частиц собственных лексических

значений. Но это не так, лексическое значение, хотя и довольно специфическое, у частиц все же имеется» [74].

Модальные частицы в сравниваемых языках способны существенно влиять на контекст высказывания, подчеркивать его значимость. Модальными частицами в таджикском языке также выступают «*оё*», «*танхо*», «*хатто*», «*айнан*».

Пример:

«Магар мо ин чаширо чунин пеишбини карда будем? - Разве так мы представляли этот праздник?»

«- Ман хам айнан чунин рафтор мекардам - Точно так же поступил бы и я».

«- Хатто дар торики хайвонот метавонад рохаширо ёбад. - Даже в темноте животные способны ориентироваться».

Использованные в данных предложениях модальные частицы придают предложениям различные субъективно-модальные значения: удивления, утверждения, предположения и т.п.

В изучаемых языках модальные частицы не только подчеркивают семантику высказывания, но и участвуют в формировании структуры. При этом они выражают эмоциональную окраску высказывания. Некоторые из этих частиц употребляются только в разговорной речи. Например, авось (шояд):

«- Авось, и на этот раз все получится».

«- Шояд ин дафъа хам бахт ба ӯ лаб мезанад».

«- Человек всегда надеется на авось: вдруг надежды оправдаются».

«- Инсон хамеша умед ба таваккал мекунад: шояд тақдир ӯро дастгири менамояд».

Частица «*авось*» (шояд, таваккалан) придаёт предложению значения предположения, свидетельствует о желании наступления развязки события и др.

Вообще в разговорной речи часто употребляются модальные частицы, выражающие различные степени модальности предположения. Если в русском языке это «ладно, что уж там, подишь ты», то в таджикском языке эту функцию выполняют: *«бас э», «бас будагист», «вая бину», «чи чои сухан», «э раве» и пр.*

«- Да ладно тебе наговаривать-то» - «Бас будагист, ин қадар гап зади».

«- Что уж там, это было давно» - «Чи чои сухан, ин воқеа кайхо ба амал омада буд».

Частица *«будто» (гӯё)* в разговорной речи в обоих языках выражает значение от неуверенности до сомнения:

«- Сидишь, будто воды в рот набрал» - «Гӯё ба дахонаш об гирифта бошад, гап назада менишаст».

Аналогичными в сравниваемых языках являются частица *«как бы»* и *«мабодо ку»*, нашавад ки более свойственные устной, а не письменной речи, но употребляемые в художественной литературе:

«- Как бы чего не случилось» - «Мабодо ку ягон воқеа рух надихад».

«- Приближающаяся гроза как бы не напугала её» - «Нашавад, ки раъду барқи наздик мешуда ӯро тарсонад».

В русском и таджикском языках частица *ли* и частицы *«магар», «оё»* в сочетании с другими членами предложения способны передать значения неуверенности и сомнительности:

«- Не ты ли предложил мне участвовать в этом деле?» - «Магар ту нагуфта буди, ки ба ин кор даст занам».

«- Знаешь ли, мне вовсе не хочется ехать в такую даль».

«- Оё медони, ки ман хавсалаи ба рохи дур рафтавро надорам».

В русском и таджикском языках модальная частица *«небось» (эхтимол, аз афташ, шояд)* употребляется в речи для усиления высказывания, которое может иметь вопросительный или предположительный характер:

«- Небось, ты думал, что я забуду о нашем прошлом» - «Аз афтаиш, ту чунин хаёл карди, ки ман гузаитаро фаромӯш карда бошам».

Модальные частицы не способны к самостоятельному словообразованию. В отличие от других служебных слов, модальные частицы не имеют каких-либо конкретных значений, поэтому они не являются членами предложения. А также их не следует сравнивать с другими служебными словами в связи с тем, что модальные частицы не выполняют связывающую функцию между частями предложения.

Итак, проделанный сравнительный анализ практического материала с целью определения средств выражения субъективной модальности, в данном случае с помощью частиц русского и таджикского языков, убедили нас, что модальные частицы играют важную роль в оформлении предложений, придавая сообщению различные оттенки значений. Они позволяют автору высказывания выразить свои чувства, дать оценку своему сообщению, отразить степень уверенности, предположения или сомнения, внести эмоциональную окраску речи.

ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ

Итак, проблема модальности и средства её выражения была и остаётся одной из главных в лингвистике. Она ещё и сложная с точки зрения языковой реализации, круга входящих в неё значений и характера взаимодействия с иными языковыми категориями.

Изучив научную литературу, обобщив взгляды учёных-лингвистов относительно феномена категории модальности, мы пришли к следующим выводам:

Модальность - функционально-семантическая категория выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, отношение говорящего к содержанию высказывания.

Функция категории модальности состоит в том, что она (модальность) даёт определённую характеристику высказыванию (речи). А выражается эта функция посредством лексико-грамматических средств.

При функциональном подходе в основе выделения единиц лежит семантическое тождество, базирующееся на общности выполняемой коммуникативной функции.

Модальность выражается при помощи различных способов: морфологических, лексических, синтаксических и интонационных, и соответствующих им средств. На этом основании категория модальности считается универсальной.

В русском языкознании исследователи (В.В. Виноградов, Н.Ю. Шведова, Н.С. Валгина и др.) выделил два типа модальности – объективную и субъективную, которые широко представлены в традиционных классификациях модальных значений.

В таджикском языке исследователи выделяют три аспекта модальности в речи:

- 1) объективная модальность, выражающая отношение высказывания к действительности в плане реальности;

2) субъективная модальность, выражающая отношение говорящего к высказыванию;

3) вторичная модальность, которая выражает связь между субъектом и предикатом по отношению к действительности.

Разграничение объективной и субъективной категорий модальности в языкознании является достаточно условным, на что обращают внимание учёные. Эти категории вполне закономерно анализируются исследователями как взаимодействующие и пересекающиеся.

Объективная модальность - обязательный признак любого высказывания. Эта категория, которая формирует предикативную единицу - предложение. Объективная модальность выражает отношение высказывания к действительности в плане реальности (осуществляемости или осуществлённости) и ирреальности (неосуществлённости). Средством выражения объективной модальности являются глагольные наклонения, порядок слов в предложении.

Субъективная модальность в отличие от объективной модальности является факультативным признаком высказывания. Семантический объём субъективной модальности значительно шире семантического объёма объективной модальности. Субъективная модальность включает в себя не только логическую квалификацию сообщаемого, но и разнообразные лексико-грамматические способы его выражения.

Если глубже вникнуть в отношения между этими двумя фразами, мы можем четко выявить некую связь, нуждающаяся в более распространенном изучении, проходящем в рамках какого-либо одного аспекта.

В обоих сопоставляемых языках – русский и таджикский анализируется лексико-грамматическая категория. Образовалась она в результате утраты лексического значения, вплоть с начала возникновения до становления и развития данной категории, а также, спустя время, посредством формулировки разных смысловых отношений.

Далее состоялась целая совокупность глаголов, имеющих модальный оттенок, в их ряд входили не только исконно таджикские слова, но и слова, вошедшие из чуждых языков. Так как модальная группа слов носит исключительно служебный характер, грамматическое их свойство остается неизменным, или отдается на полное распоряжение автора.

Напомним, модальные глаголы стоят только в инфинитиве, то есть начальная форма, настоящем времени, но в редких случаях мы можем использовать их в прошедшем времени.

В результате анализа было выявлено, что на сегодняшний день модальные глаголы таджикского языка подразделяются на единицы, используемые в качестве члена предложения, и также единицы, при использовании которых подразумевается только модальное осмысление.

Очень близки по смыслу, и почти синонимичными оказались русские слова «захотеть, желать» и «возможно» с таджикскими «хостан» и «шояд».

ГЛАВА II

СРЕДСТВА И СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ В РУССКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ

Модальные глаголы в русском и таджикском языках осуществляются с помощью синтаксиса, лексики и грамматики, несмотря на то, что выражается по-разному.

Модальность, употребляемая одним конкретным лицом, обращающемуся к другому лицу, может иметь значение предварительного подтверждения совершения действия, или согласование, уверенность/неуверенность и т.д.

Данная категория имеет разный способ выражения, одним из них является способ примыкания к частицам, предложениям, вводным фразам, более распространен способ сочетания их со сложносочиненными, сложноподчиненными словосочетаниями с придаточным действия, такие предложения обычно несут в себе оказание сарказма, удовлетворения, задумчивости, поражения и т.п.

На основе обилия вышеперечисленных предметов исследования в русском, таджикском и английском языках, мы тщательно рассмотрим все остальные способы использования модальных глагольных слов, не только состоящие в синтаксических отношениях, но и морфологические и лексические их особенности.

2.1. Категория наклонения как средство выражения субъективной модальности

В выражении модальности речи важная роль принадлежит особой категории глагола - наклонениям. Наклонение можно считать основным грамматическим средством выражения модальности – изъявительного - с одной стороны, условно - желательного и побудительного - с другой.

С помощью категории наклонения в предложении выражаются отношения действия или состояния к реальной действительности, а именно: значения реальности действия, предположительности или побуждения к действию.

Несмотря на то, что наклонения играют немаловажную роль в существовании модальности в русском языке, все же, связь между ними смутная, не имеется точного определения сочетания причастности категории языка с видами модальных глагольных слов.

Изывительное наклонение подразумевает невыдуманное, обыденное явление, оно может менять синтаксическую форму в связи с временем, в котором употребляется, а это – прошедшее, настоящее и будущее времена.

Пример:

«Несмотря на непогоду, минусовую температуру и гололедицу, местные школьники активно посещают занятия, выполняют домашнее задание и показывают весьма положительные итоги учебного полугодия».

В тексте, где приходится вместе частицы и придаточная часть, стоящие в изывительном наклонении, может возникнуть легкий оттенок намерения, решимости, угрозы, готовности, нежелания.

Такие сочетания категорий способны выражать субъективно-объективные модальные отношения в языке. В результате чего, когда приходится глагол в настоящем времени является, данного наклонения, то оно является фиксирующим определяющим сказуемого, в возможности которого носить оттенки содержания, как неуверенность.

Пример: ***«Ты в состоянии выполнить данное задание сам»*** – предложение выражает точное утверждение;

«Я хочу, чтобы ты провел каникулы в кругу близких и друзей» - здесь выражается желание;

«Мне кажется, тебе пора задуматься над кардинальные перемены круга общения» – в предложении с помощью модального сочетания слов выражается предположение.

Морфолого-синтаксическим способом определяют сочетание модальных глаголов с наклонениями. Когда наклонение, используемое не в буквальном смысле, и имеет метафоричный характер, в борьбе между синтаксисом и морфологией победу забирает смысловой аспект предложения.

Одной из индивидуальных особенностей изъявительного наклонения является то, что в своем употреблении оно не усложняет работу говорящего и не расставляет запретов при выражении лексико-грамматическими средствами и средствами контекста различных модальных оттенков.

В.В.Виноградов указывает: «Сочетание модальных слов и частиц с различными формами изъявительного наклонения выражает множество модальных оттенков высказывания. Возникает ряд модальных конструкций аналитического типа. В них изъявительное наклонение приближается по оттенкам своих значений к другим наклонениям глагола» [24].

«Своеобразие побудительных предложений состоит в том, что в них наиболее полно и непротиворечиво происходит слияние функциональной (коммуникативной) и объективной модальностей. Форма синтаксического побудительного наклонения обозначает волеизъявление, направленное на осуществление чего-либо. Это значение объединяет в себе ряд более частных значений, совмещающих значение повеления со значение пожелания, требования, а также сложившиеся на основе побудительности переносные значения» [67].

Самой значимой и влиятельной характерной чертой в предложении, где используется наклонение является то, что в нем базируются определенные рамки значений в соответствии с выбранным наклонением. Необходимо учесть все грамматические особенности и смысловые недочеты,

проконтролировать точное соотношение между ними и не допустить проскальзывания иных специализированных средств.

Формы повелительного наклонения некоторых глаголов имеют модальные значения, близкие к значениям междометий и частиц. Так, за отдельными лексическими значениями некоторых глаголов в формах повелительного наклонения закрепились значения фамильярного и резкого побуждения к энергичному и немедленному действию. Таковы формы: «давай, дуй, валяй, жги, жарь, шпарь, чеши» в значении *«действуй немедленно»*. *Например:*

«Валяйте сюда! Сюда, ребята!»

«Пожалуйста, надевай шинель! Валяй! Дуй!».

Формы повелительного наклонения глаголов «сказать» (скажи, скажите) и «смотреть» (смотри, смотрите), «глядеть», «подумать» в определенных синтаксических позициях утрачивают побудительное значение и употребляются в функции модальных частиц, выражающих недоверие, сомнение, удивление:

«Подумайте, какая важная шишка!»;

«Глядите-ка, чего захотела!»;

«Вам невдомёк? Скажите, какая невинность!»;

«Скажи на милость, даже темно стало!».

Говоря об общей характеристике сослагательного наклонения, мы должны раскрыть его место в русском языке. Итак, в предложении оно употребляется в случае, если оратор имеет ввиду желание исполнить действие, или неконкретное планирование его совершения. Часто сослагательному наклонению предшествует частица «бы», которая своим присутствием дополняет оттенок неуверенности или предположения. Приведем пример: *«Мы бы смогли учиться в обед, если бы не...»* - в данном предложении мы видим выражение желания, но неточного совершения желаемого, так как здесь присутствует частица «бы», предложение делится на две части – предмет желаемого и причина, по которой оно не утверждено.

Добротное исследование и обширное раскрытие в сфере языкознания дала В.С.Расторгуева, она посвятила долгие годы работы теме глагола в таджикском языкознании, без внимания не остался и модальный тип. Она пишет: «Всякое действие представляется либо как имеющее место в действительности (в настоящем, прошедшем и будущем), либо как возможное в силу определенных обстоятельств или желательное, либо же, как действие, к которому говорящий побуждает другое лицо. При этом в каждом наклонении действие может утверждаться или отрицаться. Значения наклонений, так сказать, накладываются на значения утверждения или отрицания, которые, собственно говоря, тоже выражают отношение к действительности, но самого общего характера» [67].

Четыре вида таджикских наклонений, которые ранее были отмечены: *сиғаи хабарӣ* – изъявительное, *сиғаи амрӣ* - повелительное, *сиғаи шартӣ-хошишмандӣ* - условно-желательное и *сиғаи эҳтимоли*, то есть – предположительное [36].

Как известно, «изъявительное наклонение представляет собой систему видовременных форм, объединённых общим значением подлинной реальности, несомненности выраженного в них действия» [67], то есть ему всегда присуща категория времени, тогда как формы условно-желательного и повелительного наклонений лишены временных значений.

«Модальность глагола изъявительного наклонения обычно зависит от того, каков характер связи между действием и его субъектом. Эта связь может быть реальной, возможной, желательной, необходимой и т.д.» [56].

В таджикском языке, как и в русском, в отдельных случаях при определенном построении предложения или при наличии специфических модальных слов и частиц в предложении, в состав которого входит глагол, имеющий одну из форм изъявительного наклонения, может обозначать и некоторые иные модальные оттенки с отклонением от выражения подлинной реальности действия.

Пример, модальные слова «бале», «инак», «албатта» в предложениях употребляются для выражения дополнительных оттенков модальности речи: *«Бале, ман ба гуфтаҳои шумо рози хастам» – «Браво, я полностью согласен с вами»* (субъективно-модальное значение утверждения).

«Глаголы «фикр кардан», «фарз кардан» (полагать), «гап задан» (говорить), «фаҳмидан» (понимать) и др. могут уточнять, дополнять модальность последующего высказывания, по смыслу которых можно предположить, о чем будет идти речь» [48].

Пример:

«Фикр мекунам, ки чойро ширинтар кардан лозим аст» – «Думаю, нужно подсластить чай»;

«Нина фаъмид, ки китобаи чоп шуд» – «Нина узнала, что ее книга опубликовалась»;

«Фарз мекунем, ки панъ сол пас мошин мехарем» – «Предположим, что через пять лет купим машину»;

«Ду апа хоъар ба як дигараш гап намезанад» – «Две сестры не разговаривают друг с другом».

Употребляемое в речи повелительное наклонение всегда имеет оттенок настаивания, говорящего или побуждение к совершению действия, попытку изменить действительное, навязывание удобного ему поворота событий и итогового исхода. В таджикском языке данное наклонение является единственным наклонением, не имеющим противопоставленных временных форм. Еще одной специфической особенностью повелительного наклонения является то, что при его устном использовании, необходимо выделять мысль особой интонацией в немного завышенных тонах.

Повеление и приказание всегда могут ориентироваться фактически только на будущее действие, хотя производится оно в какой-то определенный момент в настоящем. В таджикском языке повелительное наклонение выражается формой 2-го лица единственного и множественного числа: *хон, хонед (читай, читайте)*.

Следует отметить, что немаловажную роль в выражении субъективно-модального значения формой повелительного наклонения играет интонация и лексические ударения. В связи с этим следует отметить, что всевозможные смысловые оттенки мысли, выраженные в устной речи интонацией, невозможно передать в письменной речи только знаками препинания.

Формы повелительного наклонения выражают следующие оттенки волеизъявления:

Утешение: «- *Хотирчам бошед, менависам*» – «- *Будьте спокойны, напишу*»;

Предупреждение: «*Дур-ми, наздик-ми, ба кафо нагарданд!*» – «*Далеко ли, близко ли, назад не возвращаться!*»;

Просьба, предложение: «*Шумо аз мева мархамат кунед*» - «*Вы угощайтесь фруктами*»;

Повеление: «*Тез бошед, азизам, зудтар нависед!*» - «*Торопитесь, дорогой мой, быстрее пишите!*» и др.

Оттенки, выраженные формами повелительного наклонения в таджикском языке, зависят также от лексического значения глаголов.

Например, М. Ибрагимова подчеркивает: «Глаголы: хохиш кардан (просить), талаб кардан (требовать), амр кардан ё фармон додан (приказывать), ичозат додан (разрешить), фармудан (велеть), таклиф кардан (предлагать), даъват кардан (призывать), зори кардан (умолять) могут употребляться для уточнения модальности - высказывания» [49].

Пример:

«- *Декан хохиш кард: «Донишчуён, дар зали конфронс чамъ шавед!*»;

«- *Декан попросил: «Студенты, соберитесь в зале для конференций!*».

Условно-сослагательное наклонение (сигаи шарти-хохишманди) отличается широтой и разнообразием выражаемых им модальных значений. В отличие от изъявительного условно-сослагательного наклонения употребляется тогда, когда совершение действия связывается с желанием,

возможностью, ожиданием, условием и т.д., то есть оно не является безусловным, несомненным.

В глаголах условно-сослагательного наклонения таджикского языка различаются четыре формы времени: настоящее-будущее время (аорист); прошедшее время; длительная или вневременная форма; настоящее определенное или продолжительное время. Эти временные формы сослагательного наклонения выражают повеление, условность действия, уступительное значение.

а) настоящее-будущее время, или форма аориста, образуется от основы настоящего времени глагола и соответствующих личных глагольных окончаний. Оно выражает допущение, предположение о том, что может осуществиться что-то неожиданное (с аористом глагола «рафтан» (идти) в 3-ем лице ед. числа).

Пример:

«Агар равад, меоварад» - «Если пойдёт, то принесёт».

«Раваду, ин тухфа ба вай маъкул нашавад» – «Вдруг этот подарок ему не понравится».

Значение предположения выражается также в сочетании глагола с модальными словами «эхтимол» (вероятно) и «даркор» (должно быть):

«Эхтимол, вай имруз ба кор набарояд, чун ки бемор шудааст» – «Возможно, он сегодня не выйдет на работу, так как заболел».

Значение желательности выражается в сочетании с модальным словом «кошки» (о, если бы):

«Кошки, ман хам ту барин олим мешудам» - «О, если бы и я стал, как ты учёным!»

Модальное значение сомнения выражается в сочетании глагола со словами «нахот», «нахот ки» (неужели):

«Нахот ки, ман нависам, вай ба ман чавоб надихад» – «Неужели, если я напишу, то он мне может не ответить».

б) прошедшее время условно-сослагательного наклонения образуется из деепричастия прошедшего времени основного глагола и аориста вспомогательного глагола будан: *«рафта бошам, дода боши, омада бошанд»* и т.п.

Пример:

«Вай рафта бошад, меоварад» – «Если он поехал, то привезёт».

Основное модальное значение прошедшего времени сослагательного наклонения такое же, как и у форм настоящего-будущего времени, но только в аспекте прошедшего времени. «Сфера употребления их, однако, значительно уже» [79]. Например:

а) при выражении предположения (о прошедшем действии);

б) при недоуменном вопросе о возможности прошедшего действия в сочетании с модальной единицей «мумкин» (возможно, вероятно): *«Мумкин вай ба инҳо хабар оварда бошад» - «- Вероятно, им весточку доставил он»;*

в) длительная, или вневременная форма образуется из деепричастия прошедшего времени основного глагола с приставкой «ме» и вспомогательного глагола «будан», выступающего в форме аориста: «мерафта бошам», «медода боши», «мехонда бошанд» и т.д.

Например:

«Вай мерафта бошад, ин китобхоро меоварад» – «Если он поедет, то привезёт эти книги».

г) настоящее определенное время образуется из деепричастия прошедшего времени основного глагола и сослагательного наклонения вспомогательного глагола «истодан» в форме прошедшего времени: *«рафта истода боши», «хонда истода бошад»* и т.д. и выражает выполнение действия при определённом условии.

Пример:

«Вай хонда истода бошад, халал нарасонед» – «Если он читает книгу, не надо его тревожить».

Этой же глагольной формой может быть выражена предположительная модальность, которая обычно передаётся словами: *«монанди», «ба мисли...» (как будто, как бы, словно бы).*

Пример:

«У монанди шахсе, ки кадамҳои худро мешуурда бошад, ба замин чаши духта мерафт» - «Она шла, уставшись в землю, как будто считала свои шаги» (значение предположения).

Модальные единицы таджикского языка *«эхтимол», «бояд», «шояд», «мабодо»* (вероятно, должно, возможно, как бы) наиболее употребительны в сочетании с глаголами сослагательного наклонения.

Предположительное наклонение, как отмечают В.С. Расторгуева и А.А. Керимова, «принадлежит к числу наиболее поздних таджикских глагольных новообразований. Формы, входящие в его состав, были узаконены в литературном языке лишь после 30-х годов нашего столетия» [67]. Этому наклонению нет соответствия в русском языке.

По своему модальному значению данное наклонение выражает в таджикском языке предположение, сомнение, неуверенность. В его систему входят три формы: предположительное прошедшее, предположительное настоящее-будущее и предположительное настоящее определенное.

Прошедшее время предположительного наклонения образуется из сочетания причастия прошедшего времени с суффиксом «-ги» и глагольной связкой (*ист, истед*) с последующим присоединением личных суффиксов (-а, -и, -сти -ем, -ед, -анд).

Эта форма выражает субъективно-модальное значение предположения относительно действия прошедшего времени.

Пример:

«Вай ба хона рафтагист» - «Он, наверное, поехал домой»;

«- Монда шуда омадагисти?» - «- Ты, вероятно, пришел усталый».

Настоящее-будущее время предположительного наклонения образуется таким же способом плюс глагольная приставка «-ме» и выражает также значение предположения.

Например:

«-Шумо ба маҷлис меомадагистед?» - «- Вы, вероятно, придете на собрание?»».

Настоящее определенное время образуется при помощи вспомогательного глагола «истодан» (стоять), основной глагол при этом ставится в причастно-деепричастной форме (дид + а).

Пример:

«Вай ба имтихон таёри дида истодагист. Охир пагоҳ имтихон-ку!»
– **«Он, наверное, готовится к экзамену. Ведь завтра экзамен!»».**

Таким образом, как в русском, так и в таджикском языке субъективно-модальные значения выражаются различными формами глагольных наклонений в сочетании с модальными словами и частицами.

2.2. Модальные слова как средство выражения субъективной модальности

В лингвистике модальные слова рассматриваются как особая лексико-грамматическая категория, которым присущи морфологические, синтаксические, семантические и стилистические признаки.

По мнению академика В.В. Виноградов, «возникновение и развитие модальных слов связано с утратой основного первоначального конкретного лексического значения, приобретением ими с течением времени разнообразных смысловых модальных оттенков: возможности, невозможности, сомнения, достоверности и др. Модальные единицы в речи занимают одно из специфических мест для выражения категории модальности» [25].

Сокращая число выделенных ранее разрядов до 4-х основных групп, в работе «О категории модальности и модальных словах» В.В.Виноградов, предлагает следующие по семантике группы модальных единиц:

- «выражающие разные оттенки отношения высказываемой мысли к действительности, её достоверности, несомненности, истинности. Например, верно, бесспорно, действительно, правда, несомненной т.д.
- обозначающие стиль речи, её экспрессию, источник. Например, по словам кого-нибудь, по слухам, по мнению кого-нибудь;
- определяющие чувства, переживание. Например, к сожалению, к огорчению и т.д.;
- вводные синтагмы, выражающие оценку сообщаемого факта с точки зрения общих категорий: счастья, несчастья, беды и т.д.» [26].

В учебниках по грамматике русского языка (для вузов) мы видим некоторое расхождение взглядов относительно семантической стороны модальных слов. Так, Е.М. Галкина-Федорук, К.В. Горшкова и Н.М. Шанский модальные единицы делят по семантическим значениям на две группы:

- «обозначающее значение уверенности, несомненности («конечно, верно, несомненно, действительно, безусловно, разумеется, правда, факт»);
- обозначающее значение возможности и предположения (по-видимому, вероятно, наверное, кажется, видимо). В эту же группу включены фразеологические единицы типа: по всей вероятности, должно быть, может быть и т.п.» [28].

А.Н. Гвоздев отмечает, что модальные слова состоят из четырех групп:

- «модальные слова логического характера, выражающие порядок и взаимоотношения мыслей, их логическую связь (*во-первых, во-вторых, наконец, стало быть, итак, следовательно, вообще, главное, наоборот, кстати, впрочем*);
- модальные слова, выражающие степень уверенности говорящего в достоверности сообщения (очевидно, верно, по-видимому, безусловно, конечно);
- модальные слова, выражающие оценку, связанную с волевым и эмоциональным отношением — колебание, удовлетворенность, надежда, опасение (авось, что ли, право, так сказать, видать, признаться, буквально, разумеется);
- модальные слова, выражающие побуждение собеседника к тому, чтобы вызвать у него то или иное отношение к сообщению (извините, знаете ли, понимаешь, видите ли, поди и др.)» [31].

Основываясь на «Русскую грамматику», мы рассмотрим вначале две основные семантические группы, которые по своим лексико-грамматическим свойствам имеют различные модальные значения:

- «модальность уверенности, достоверности (действительно, правда, конечно, верно, безусловно, несомненно...);

– модальность неуверенности, предположения (возможно, вероятно, наверное, видно, видимо, кажется, по-видимому, может быть, предположим)».

Например:

«- Действительно, погода сегодня способствовала длительной прогулке».

«- Конечно, раз обещала вовремя прийти, то приду».

«- Правда, море было очень теплое и приятное».

В этих предложениях выражено модальное значение уверенности. Автор высказывания уверен в своем сообщении.

Модальные слова допустим, кажется, вероятно, видимо, может быть, предположим обозначают возможную недостоверность сведения.

Например:

«- Предположим, по прогнозу завтра будет снег, тогда обязательно поедем на лыжню»;

«- Кажется, эти люди говорили, что их деревня славится мастерицами вышивания»;

«- Может быть, на охоту они ходили, но где же дичь, обещанная к ужину»;

«- Допустим, что вы сказали неправду, но он же поверил вам»;

«- Видимо, вы по-прежнему сильны в естественной истории».

Все эти предложения основаны на модальности предположения, содержат сомнения в сказанном. Они говорят о том, что сообщаемое может быть реальным, но автор высказывания не уверен в этом.

Модальные слова также выражают экспрессивно-эмоциональные оттенки значения (чувства, переживания, эмоции, экспрессию говорящего). Они относятся к модальным словам логического характера.

Пример:

«- К сожалению, фрау Леноре не совсем здоровилось: она страдала мигренью»;

«- К огорчению, я должен немедленно уехать».

В этих предложениях модальные слова к сожалению, к огорчению выражают сомнение автора высказывания, он не уверен в реальной действительности своего предположения.

Если же сообщение передаётся от 3-го лица или оно основано на слухах, то употребляются модальные слова по слухам, по преданию и т.п.

Пример:

«По преданию, озеро это имело таинственную историю»;

«- По слухам, здесь обитали русалки, которые только ночью выходили из воды и исполняли свои песни и танцы».

В этих предложениях слова по преданию, по слухам выражают субъективно-модальное значение, которое передается автором от третьего лица.

Говорящий как бы не решается признать свои слова правдивым отражением действительности или единственно возможной формой выражения передаваемой мысли.

Модальные слова к счастью, к радости, к удивлению, и т.п. выражают эмоциональное отношение говорящего к фактам действительности.

Например:

«К счастью, Калинин был человек очень добродушный и разговорчивый»;

«- К удивлению, болото оказалось не таким и страшным, как нам о нём рассказывали».

Модальные слова, кстати, в частности и т.п. выражают значение пояснение ограничения.

Пример:

«А, впрочем, я заболтался с вами, задержал вас, - прибавил он, вставая с места».

Бывает, что определить семантику модального слова можно только в контексте высказывания.

Ср.: *«Письмо, которое должно было прийти на прошлой неделе, задержалось. Возможно, такая задержка имеет веские причины» - «Возможно, вы ожидали, что сегодня будет плохая погода, что и случилось на самом деле».*

В первом предложении мы наблюдаем субъективно-модальное значение неуверенного предположения о реальности высказывания с едва заметным оттенком вероятности. Во втором - в контексте фразы содержится указание на модальность уверенного предположения.

Модальное значение убеждённости высказываниям придают фразеологические обороты, по всей вероятности, по всей видимости.

Пример:

«- По всей вероятности, он был удивлён таким поступком своего друга»;

«- По всей видимости, ожидается долгая и холодная зима, и не мешало бы заранее запастись дровами».

В этих предложениях автор высказывания выражает высокую степень достоверности предположения, основанную на конкретных знаниях ситуации, о которых идет речь.

Модальные слова, пожалуй, наверное, похоже выражают неуверенность, сомнение автора высказывания в реалистичности факта или явления.

Пример:

«- Пожалуй, Вера Павловна была очень расстроена вчерашним разговором, что даже не вышла утром к завтраку»;

«- Странное поведение Герасима сразу бросалось в глаза домочадцев, наверное, его что-то очень сильно волновало»;

«- Похоже, он часто наведовался к Анне Павловне, раз его долгое отсутствие было так заметно».

Как мы удостоверились из анализа текстов, вводно-модальные слова имеют множество оттенков субъективно-модальных значений:

достоверность, возможность, невозможность, сомнение, предположение и т. д.

Они отражают отношение автора высказывания к сообщаемой информации. Часто сам автор как бы следит за ситуацией со стороны, являясь, по существу, ее интерпретатором. То есть он выражает свое отношение, свой взгляд, свое мнение к высказываемой им речи.

Рассмотрим, какие модальные слова используются при выражении субъективной модальности в современном таджикском языке.

Группа модальных слов в современном таджикском языке претерпела существенные изменения, разнообразна по своему лексическому составу и этимологической характеристике.

Данное обстоятельство связано с тем, что «к числу модальных единиц относятся не только слова и частицы, но и некоторые словосочетания, функционально сближающиеся с вводными элементами» [78].

Таджикскими языковедами, учеными, исследователями не совсем детально изучена иная сторона категории модальных глагольных слов - они не могут находиться в самостоятельном функционировании, так как они играют роль выражения какой-либо мысли в предложении, то приходится только в сочетании со вспомогательными членами речи.

В первой главе уже нами упомянуто имя ученого А.Халилов, который изучил способы личностно-модальных значений в таджикском языке. Далее он представил несколько групп, опирающиеся на семантику и функции, выполняемым ими в речи:

1. Слова, подразумевающие уверенность:

бигзор (ладно, хорошо, согласен) – *«Бигзор ман дер кунам, аммо туро мебинам»* – *«Пусть я опоздаю, зато тебя увижу»;*

хақиқатан – *«Ҳақиқатан, ин корро тез ӯал кардан лозим»* – *«Вправду, это дело надо быстро решить»;*

бешубха (несомненно) – *«Ман бешубҳа розӣ ӯастам ба гуфтагиӯои шумо»* – *«Я несомненно согласен с тем, что вы сказали»;*

хуб – «Хуб шудаст, китобро мехонам» – «Хорошо, я прочитала книгу»;

хуш (хорошо) – «Ба ман чипта харед, хуш?» – «Купите мне билет, хорошо?»;

албатта (конечно) – «Албатта ошро тайёр мекунам» – «Конечно я приготовлю плов»;

хатман (обязательно) – «*Хатман аз номи ман ба модаратон салом расонед*» – «Обязательно передайте привет своей маме от меня»:

рост (правда) – «*Ҳа, рост, ӯаво гирифтаги аст*» – «Да, правда, погода нехорошая»;

ҳақ (истина) – «*Ҳақ аст, ким о бояд бисер ӯо иштирок кунем* – «Правильно, что мы должны участвовать во многих местах»;

дуруст (правильно) «*Дуруст гуфтааст падарам, ки ман бояд ин мошинро харам*» – «Правильно говорил мой отец, что я должен купить эту машину»;

ҳамин тавр (правильно, верно) – «*Ҳама ӯоидаӯои ин мавзӯи ӯамин ӯамин тавр мебошанд*» – «Все правила по этой теме правильные»;

аз афти кор (очевидно) - «*Аз афти кор маълум мешавад, ки роӯамо дур* – «Очевидно, как виднется, нам еще долго ехать» и др.

2. Слова и словосочетания, подразумевающие неточность, предположение или неуверенность:

гуё (как будто) – «*Гуё, ки барф об шуда истодааст*» – «Как будто снег таит»;

бояд, мебоист, боист (должно быть) – «*Бояд муаллим соати 8:00 дар субӯ ояд*» – «Учитель должен в 8:00 утра прийти»;

зохиран, тахминан (предположительно) – «*Ман зоӯиран бегоӯ аз футбол бармегардам*» – «Я предположительно вечером вернусь с футбола»;

мабодо (вдруг) – «*Яке мабодо маро напартоӣ* – «Случаем, не бросишь ли ты меня»;

одатан (обычно) – *«Кўдакъно одатан ширинї бисер дуст медоранд»* – *«Дети, обычно, очень любят сладкое»;*

рафту, раваду (вдруг) – *«Рафту маро аз ёдат набарорї»* – *«А вдруг забудешь меня»;*

шояд, шояд ки (вероятно) – *«Шояд, ки дафтарро гум кардаем»* – *«Может вы потеряли тетрадь»;*

мумкин аст (пожалуй) – *«Мумкин аст, ки поезд ӯоло намегардад»* – *«Пожалуй, поезд уже не ходит»* и др.

3. Слова, подразумевающие одобрение или удовлетворение:

хайр – *«Хайр, агар мушкил набошад, корро бин»* – *«Ну, если не сложно, возьми за это дело»;*

майлаш – *«Ту бие, майлаш, ягон накша мекашем»* – *«Ты приди, ладно, придумаем какой-нибудь план»;*

хуб (хорошо) – *«Хуб, ман ӯастам дар гапам меистам»* – *«Хорошо, я обязательно сдержу слово»;*

хўш – *«Ягон чизро нашикан, хўш мї?»* – *«Ничего не сломай, хорошо?»;*

дуруст – *«Алла гуфт, ки чой хунук шуд, дуруст гуфтааст»* – *«Алла сказала, что чай остыл, правильно сказала»;*

рост – *«Аз рости ӯам гилем кабуд аст»* – *«И вправду ковер голубой»;*

хақ – *«Насиъати бародарам ӯақ»* – *«Наставления брата правильные»;*

маълум аст – *«Маълум аст, ки ту касал мешавї»* – *«Ясно, что ты заболеешь»* и т.д.

4. Слова, подразумевающие изумление или недоумение:

аљаб – *«Аљаб духтари зебо аз пешам гузаит имрўз»* – *«Удивительно красивая девушка сегодня прошла мимо меня»;*

аљабо – *«Аљабо, ин мардум чи тавр аст»* – *«Удивительные люди»;*

алҳазар, тавба, ё тавба – *«Ё товба, ин гап ӯам рост будааст»* – *«Странно, это тоже правда»* и т. д.

5. Слова, подразумевающие сожаление:

афсус – «Сад афсус, ки модарам ӯамроғи ман нарафтанд» – «Как жаль, что мама не пошла со мной»;

хайф – «Ҳайфи ёшигуат» – «Увы, жаль твои молодые годы»,

дареғо (к сожалению) – «Дареғо, ба Москва наметавонам омадан» – «К сожалению, не смогу приехать в Москву».

6. Слова, подразумевающие последовательность мыслей, различные формы лексического или экспрессивного взаимосвязей предполагаемой мысли к желаемому сообщению:

инак - «Инак, шумо ба барномаи мо чи гуфтан доред?» – «Итак, что бы вы хотели сказать о нашей передаче?»;

хамин хел – «Ҳамин хел, охир, тасдиқи ӯимояамро гирифтам» – «Вот так, наконец получила подтверждение о защите»;

пас (наконец) – «Пас, шумо ба чи фикр омадед?» – «К какой мысли вы наконец пришли?»;

окибат (в итоге) – «Окибат, дарахтҳои боғ шукуфт» – «В итоге деревья в саду расцвели»;

охир – «Охир, конфесенсия тамом шуд – Наконец, конференция закончилась»;

нихоят, алалхусус (особенно) – «Ниҳоят баргҳои нозук дорад садбарг – У розы особенно нежные лепестки»;

словосочетания **хамин тавр** (таким образом) – «Ҳамин тавр, дӯстам дасташро шикаст – Вот таким образом мой друг сломал руку»;

ба хамин тарик – «Ба ӯамин тарик шумо метавонед идома диҳед – Вы можете продолжить таким способом» и т.д.

7. Слова, подразумевающие законченность или итог:

вассалом - «Пас гапа кам кунед, вассалом» – «Не говорите лишнего, поставим точку»;

тамом – «*Ин масъала њал шуд, дигар тамом*» – «*Это дело решилось и все на этом*»;

бас – «*Шумо соғ саломат бошед, бас*» – «*Вы главное будьте здоровы, вот и все*»;

халос – «*Њамин кадар пиёла дорем халос?*» – «*Столько у нас пиал только и всего?*»;

кифоя – «*Дар як рӯз дуто себ хуред, кифоя*» – «*В день ешьте по одному яблоку, достаточно*».

8. Слова, подразумевающие определенную эмоцию:

Хайрият – «*Хайрият, ки ман ба ту занг задам*» – «*Хорошо, что я тебе позвонила*»;

хушбахтона / некбахтона – «*Хушбахтона Александр дар ягонъо нағалтид*» – «*К счастью Александр нигде не упал*»;

шукр (шукрона) – «*Шукрона кунед аз њама чизе ки доред*» – «*Будьте благодарны за все, что имеете*»;

шодиёна – «*Шодиёна, аз њама фанъо балли баланд гирифтам*» – «*К счастью, по всем предметам получила высокие баллы*»;

харчи – «*Њарчи акалан сарфањм меравед*» - «*Как хорошо, что, хотя бы понимаете*»;

мутаассифона – «*Мутаассифона алоќа кат шуд*» - «*К сожалению связь прервалась*».

9. Слова, подразумевающие мысль, имеющая заключающий оттенок:

хулоса – «*Гапа бисер накарда хулосашро гӯед*» – «*Много не говорите, а по сути*»;

хуллас – «*Хуллас њамин баромад, ки роњи оњан махкам шуд*» – «*В итоге железная дорога закрылась*»;

хулласи калом – «*Матнро ба хулласи калон наќл намo*» – «*Расскажи текст в двух словах*»;

дар натича – *«Леша дар натильа аз Владивосток оила ташикил кард»*
- *«Итак, Леша во Владивостоке женился»;*

рости гап – *«Рости гап, фильми «Титаник» ба ман писанд наомад»* -
«Если честно, фильм «Титаник» мне не понравился»;

кисса кутох – *«Моњи апрель, кисса кўтоњ падарам дарахти себ
мешинонад»* – *«В апреле, короче говоря, мой папа посадит яблоню»* и др.

10. Слова или словосочетания, подразумевающие внезапность
воспоминания:

вокеан – *«Вокеан он доруе, ки духтур дод мадад кард»* –
*«Действительно /на самом деле, то лекарство, которое дал доктор
помогло»;*

дар вокеъ – *«Мехостам, дар вокеъ бигўямат, ки туро ба тўй
таклиф намудан»* – *«Кстати, хотел тебе сказать, что тебя пригласили
на свадьбу»;*

тасодуфан – *«Рўймолчаи шуморо тасодуфан гум кардам»* – *«Я
случайно потерял ваш платочек»;*

иттифоқан – *«Иттифоқан ваќте дар баландї будам, натарсидам»* -
«Вопреки ожиданиям будучи на высоте, я не испугалась» и др.

«Модальные слова в живом процессе речи не примыкают к одним и тем же членам предложения и не служат определением или распространением слов какого-либо одного или нескольких грамматических классов. Они стоят вне связи с какими-нибудь определенными частями речи. Они выражают модальность высказывания в целом или отдельных его компонентов» [23].

Во всех этих примерах не сполна раскрыты все способности и многообразие смысловых действий модальных глаголов. Несмотря на глубокое рассмотрение и обсуждение примеров, сочетание и взаимосвязь модальных единиц с интонацией, подачей, эмоциональностью и другими лексическими особенностями все еще подлежит обширному изучению, потому как диапазон семантики составляет подавляющую процентность.

Модальные слова, непременно, заслуживают серьезной концентрации внимания, активного действия в художественной литературе и в обыденном говоре русского и таджикского языков, славятся также среди научных и практических деятелей.

2.3. Модальные глаголы как средство выражения субъективной модальности

Модальность имеет несколько категорий выражения – одна из них — это категория глаголов, с помощью них, говорящий определяет свое непосредственно личное отношение к ситуации, человеку, которому адресована речь, деталям, и т.д. Тем самым, предложение охватывает субъективно-модальный смысл.

Как говорил В.В. Виноградов: «Глагольное слово с богатством и разнообразием значений сочетает богатство и разнообразие форм» [24].

Модальные глаголы отличаются многообразием синтаксического функционирования в русском языке. Они используются как своеобразные синонимы морфологических средств языка, передающие разнообразные тонкие оттенки модальных значений.

Часто в устной и письменной речи для выражения субъективно-модального значения употребляются соединения глаголов с инфинитивом, которые выражают возможные, желаемые действия или значение предположения. Как правило, это глаголы мочь и уметь.

Пример:

«- Лев Казимирыч может жить в имени профессора»

«- Верочка могла уже побывать в усадьбе».

В первом предложении выражено модальное значение утверждения. Во втором предложении значение предположения действия.

Модальный глагол хотеть выражает субъективно-модальное значение желаемости совершения действия автором речи.

«- Но ведь я хотел только узнать его мнение, он вправе его высказать, как и любой из нас».

Глагол предполагать выражает субъективно-модальное значение предположения.

«- Учёные предполагают, что некоторые планеты заселены разумными существами».

Модальные глаголы считать, думать, верить выражают уверенную достоверность высказывания:

«- Теперь я считаю такое возможным»;

«Думаю, что на этот раз ты сделал правильный выбор»;

«- Я верю, что пришельцы хотят иметь контакт с землянами».

В этих предложениях глаголы, выражая модальное значение, приобретают новое лексическое значение, по существу, утрачивая свой первоначальный семантический смысл. Например, в сочетании с инфинитивом модальный глагол в значении долженствовать выражает высокую степень вероятности, когда автор высказывания не до конца уверен в факте или явлении, приведенном в предложении. Причем, независимо от времени происходящего действия, высказанного в предложении.

Пример:

«Если ты хочешь занять первое место, то должен усердно готовиться к битве»;

«Конференция должна состояться в субботу вечером».

В вышеуказанных предложениях мы видим необходимость действия, без сомнений.

Близкими по своей семантике к выражению субъективной модальности предположения, являются глаголы намереваться, пытаться.

Пример:

«Я пытался увидеть вдалеке номер той машины, но мое зрение оказалось слишком плохим»;

«В компьютере, который мне привезли недавно спец рейсом из Германии, системный администратор предупредил, что кто-то намеревался произвести взлом».

Некоторые изменения произошли также в современном русском языке – так как стало быть возможным употребление модальных глаголов в сочетании с инфинитивом, которые имеют смысл:

- 1) Вероятности/невозможности;
- 2) Дееспособности/ недееспособности;
- 3) Планирование/ стремление;
- 4) Необходимость.

Однако следует отметить, что функции и семантике этих языковых конструкций посвящено незначительное количество научных работ, в основном данная тематика рассматривается частично в фундаментальных трудах по общей проблеме функционально-семантического поля, выражающего субъективную модальность.

Далее проанализируем состояние модальных глаголов в таджикском языке. Они довольно часто используются в речи и устойчивы, многие из них входят в непосредственный состав вокабуляра населения, имеют формы морфологических устоев других глаголов. Отличаются от других, исследуемых языков тем, что не выражают процесс намерения или планирования, а лишь указывают на отношение говорящего к действию. Модальные глаголы употребляются в составе с различными базовыми глаголами, в результате чего создается целые, независимые члены предложения, выражающие бесспорность, вероятность, желательный исход, необходимость и т.п.

Эту тему изучали и развивали весьма авторитетные ученые: Б.С.Сиев, С.Д.Арзуманов, П.Д.Джамшедов, М.Т.Джабборова, В.С.Расторгуева А.З.Розенфельд и другие.

Б.С. Сиев к модальным глаголам относит «группу глаголов, которые своим лексическим значением не обозначают ни действие, ни состояние, а лишь выражают модальные отношения говорящего к совершению действия основного глагола» [72].

В «Грамматике современного таджикского языка» [36] отмечается, что в современном таджикском языке, в основном, четыре модальных глагола: ***тавонистан, хостан, боистан, шоистан.***

Модальные глаголы таджикского языка, как по времени совершаемого действия, так и по смысловым модальным оттенкам являются очень многозначными. Например, глагол «***тавонистан***» (***мочь***) выражает следующие значения:

а) уверенность в завершении действия: «***Ғайр аз он, мо дар он вақт наваду нух Ғоизи заминро бо трактор ҳай карда метавонем***» - «- ***Кроме того, мы за это время сможем вспахать трактором девяносто девять процентов земли***»;

б) сомнение, неуверенность говорящего: «***Аз ўҳдаиш баромада метавониста бошам-ми, рафиқ полковник?***» - «- Смогу ли я справиться с этим, товарищ полковник?».

Подобная многозначность данной единицы также присуща и остальным модальным глаголам таджикского языка: ***хостан, боистан (бояд), шоистан (шояд).***

Модальные глаголы таджикского языка, как и русского языка, в сочетании с основными глаголами образуют сложное модальное сказуемое и являются служебной частью при основном глаголе.

Глагол «***шояд***» (***шоистан***) в сочетании с основным глаголом выражает предположение возможности совершения какого-либо действия в следующих значениях: оно может совершиться, а может и не совершиться.

Глагол ***шояд*** придаёт предложению различные оттенки значения, присущие основному глаголу в прошедшем, настоящем или будущем времени. Он находится в пропозиции к основному глаголу и его значение определяется и конкретизируется этим же глаголом.

Пример:

«- ***Шояд вай бисёр хаста шудааст, ки ба вохури наомад?***» – «***Может быть, он очень устал, что не пришёл на встречу***»

«- Шояд, ту хайрон шави, ки ин кадар кори калонро ман дар мухлати кутох ба охир расонидам» – «Может быть, ты удивишься, как я с такой большой работой справился в короткий срок».

В данных примерах выражена возможность действий, но авторы высказываний не уверены в реальности их осуществления, они только предполагают.

В высказывании с глаголом **«шояд»** также возможен упрек или замечание.

Пример:

«- Вокеан, шояд худат баромад мекуни? – Возможно, ты сам выступишь?»

В данном примере выражено субъективно-модальное значение неудовлетворённости автора речи реализацией действия основного глагола.

Глагол **«шояд»** в сочетании с основным глаголом может передавать оттенок сетования или сожаления в связи с тем, что не произошло то действие, которое могло бы совершиться.

Пример:

«- Ту шояд ваъдаи додагиатро фаромуи кардаи» - «Ты, возможно, забыл своё обещание»

В выражении может содержаться конкретное предложение или совет в тех случаях, когда автор фразы намеревается совершить то или иное действие, к примеру:

«- Фикр мекунам, ки ин хамон одамест, ки шояд ба мо ёри расонад» - «Думаю, что это именно тот человек, который, возможно, нам поможет».

«Шояд» как модальный глагол в разных сочетаниях с основным глаголом передает различные степени предположения и сомнения, формируя значение категории субъективной модальности в предложении.

Конструкции с модальным глаголом *«боистан»* (*бояд, мебоист*) грамматически выражают в предложении значение необходимости совершения действия и предположения с высокой степенью уверенности.

Пример:

«Мо доимо бояд дар панълуи падару модаромон биистем» – *«Мы всегда должны быть рядом с родителями»;*

«Аз афти кор маълум мешавад, ки халк бояд дар интихоби ӯарсола иштирок кунад» – *«По-видимому, народ должен участвовать в ежегодных выборах»;*

«Ту бояд ин лексияро ба муаллим накл кунӣ» - *«Ты должен перерассказать эту лекцию преподавателю»*

«Бояд», употребляемый в предложениях говорят об уверенности говорящего в совершении действия.

Модальный глагол *«боистан»* не спрягается в сочетании с основным глаголом в предложении. Этот глагол по своей функции в глагольных конструкциях не является глаголом-модификатором.

Грамматические категории лица и числа глагола *«боистан»* в сочетании с основным глаголом выделяется окончаниями *-ам, -и, -ад, -ем, -ед, -анд* в основном глаголе.

Глагол *«тавонистан»* выражает субъективно-модальное значение возможности/невозможности, а в контексте – различные оттенки модальных значений: умение, разрешение, объективная возможность, сомнение, невозможность, запрещение, малая степень вероятности, невероятность.

Парадигма модального глагола *«тавонистан»* охватывает неспрягаемые и спрягаемые формы в системе таджикского глагола. Неспрягаемые формы - это непредикативная форма подсистемы глагола, то есть формы инфинитива и причастия.

Модальный глагол *«тавонистан»* в форме причастия, в данном предложении выражает модальное значение умения.

Например: *«Дар замони хозира бо чанд забон сухан карданро тавонистан бисер зарур аст»* – *«В современном мире необходимо уметь говорить на нескольких языках»*.

В представленном предложении таджикский глагол *«тавонистан»* имеет отрицательный оттенок, говорящий выражает запрет на действие:

«Рӯзи якшанбе ман наметавонам ба кор бароям» – *«В воскресенье я не могу выйти на работу»*.

Далее *«тавонистан»* имеет значение сомнения, неуверенности автора речи к точному осуществлению действия, такого рода структура употребляется больше в вопросительных предложениях:

«Оё шумо метавонад ба ман имконияти хуб пешниҳод кунед?» – *«Разве вы можете предложить мне хорошие возможности?»*

Итак, модальный глагол *«тавонистан»* в функциональном отношении является служебным, так как он не обозначает само действие, а выражает лишь отношение субъекта речи к высказыванию (субъективно-модальное значение), лексически не является полнозначным глаголом, синтаксически образует модальное составное сказуемое.

Глагол *«хостан»* (хотеть) в грамматических конструкциях выражает модальное значение возможности совершения действия основного глагола, основанного на волеизъявлении говорящего. Этот глагол своим лексическим значением выражает разные оттенки значения: согласия, готовности, решимости, упорства, просьбы, намерения, желания.

Но необходимо отметить, что модальный глагол *«хостан»* в семантическом плане является более полнозначным.

Пример: *«Ман ба ватан баргаиштан мехоҳам»* - *«Я хочу вернуться на родину»*;

«- Дугонаамро имруз хеле дидан хоштам» – *«Сегодня очень хотел повидаться с подругой»*.

В данных предложениях говорящий выражает сильное желание к совершению действия основного глагола.

Твердая решимость - когда говорящий выражает свою категоричность к осуществлению действия основного глагола: *«Ман имруз хостам беморро зиёрат намоям»* – *«Я сегодня хотел навестить больного»*.

В русском и таджикском языках выявлены идентичные свойства модальных глаголов, как средств выражения субъективно-модальных значений. Модальные глаголы отличаются от обычных глаголов тем, что они не выражают конкретные действия, но содержат значения необходимости, уверенности, достоверности, возможности, вероятности, сомнения, желательности действия. Также модальные глаголы создают в речи интонационный фон, при помощи которых выражается эмоциональное состояние автора высказывания.

2.4. Союзы как средство выражения субъективной модальности

Союзы в сравниваемых языках являются важным средством выражения субъективной модальности. В «Русской грамматике» описываются несколько способов выражения субъективной модальности с помощью союзов.

Например, при соединении двух одинаковых форм одного и того же слова с помощью союза «и» высказывание приобретает субъективно-модальное значение:

а) значение обыкновенности, обычности: *«Он солгал нам. Только ложь она и ложь. Все равно выйдет наружу»;*

б) выражается значение согласия, принятия, допущения: *«Глупость сказал, говорит, ты! Ну, сказал и сказал. Что теперь?»;*

в) при вопросительно-относительных предложениях выражают значение множественности при мыслимом перечислении: *«Стал рассказывать всем, где и где он меня искал столько времени»;*

г) значение, выражающее одновременно реализующее и нереализующее состояние, действие в соединениях сказуемых: *«Любил и не любил. Все осталось в прошлом. Надеялся и не надеялся. Что теперь об этом говорить».*

«Русская грамматика» рассматривает также следующие конструкции выражения субъективной модальности:

Субъективно-модальное значение безразличия, противопоставления выражают сочетание двух форм одного и того же слова с отрицанием при второй форме посредством союза «или» (иль).

Пример: *«Пойдёшь или не пойдёшь, дело твоё. Только отвечать тоже сам будешь. Хочешь иль не хочешь, а работать надо».*

В предложении с союзом чтобы употребляются именные соединения с фразеологическим единством на то и, означающие предназначенность,

соответствие назначению: *«Друг на то и друг, чтобы помочь в трудную минуту».*

Сочетание союзов: и, да, да и с лексическим незаменяемым первым компонентом взять, выражающие неожиданность действия: *«Возьму, да и женюсь на ней. Пусть все только завидуют. Возьми да признайся ей в этом, легче будет».*

В предложениях с союзами «и», «да», «да и» - повторы имеют разные субъективно-модальные значения.

При повторении глаголов и глагольных имен, соединяющихся союзами «и», «да» выражается значение длительности и постоянства, непрерывности.

Пример: *«Птицы летели и летели. Все время говорил да говорил об одиночестве»*

При повторении любых слов, соединяющихся союзами «и», «да», «да и», выражается субъективно-модальное значение интенсивности, полноты или исключительности.

Пример: *«Главной чертой его характера была пунктуальность, пунктуальность и пунктуальность. Пристал и пристал: расскажи да расскажи!».*

Субъективно-модальное значение категорического утверждения. К примеру: *«Постоянно твердит одно и то же: не поеду и не поеду!».*

Повторы слов с союзом «да» могут выражать субъективно-модальные значения иронического, неодобрительного тона чьих-либо слов.

Например: *«Бесконечно повторял: возьми да возьми, этот амулет сбережёт тебя от беды».*

Субъективно-модальные значения выражают также сочинительные и подчинительные союзы в составе обособленных членов предложения. Например, союзы: хотя, хоть, хотя и, хотя бы, пусть, пусть и, пусть бы выражают оттенок значения уступительного допущения или ирреальной

модальности, например: «Было очень сыро и холодно, хотя дождь давно уже прошёл».

Модальные союзы: будто бы, как будто бы, как если бы, а также якобы выражают субъективно-модальное значение неуверенности, сомнения в достоверности сообщаемых фактов: *«Они бежали так быстро, как будто бы за ними гнался бес»*.

Союзы: но, однако, но всё же, тем не менее, выражают модальное значение противопоставления, ограничения: «Дорога стала намного уже, однако деревни пока не было видно».

Сравнительные союзы: будто, точно, словно, как бы в предложении выражают модальное значение сравнения:

«- Девушки-красавицы, будто стройные берёзки, так красиво кружились в хороводе, что глаз не оторвёшь»;

«- Никто не замолчал, словно забыли, где находятся»;

Присоединительный союз «а» указывает на дополнение, пояснение высказанной мысли или дает оценку сказанному. Иногда с союзом употребляется в качестве лексического конкретизатора вводное слово «скорее»:

«- Встречаясь с полковником, он подчеркнуто отдавал ему честь — и смотрел куда-то в сторону с напряженным — невиноватым, а скорее бессмысленным выражением».

Таким образом, проведённый анализ союзов русского языка, удостоверяет нас, что союзы в предложении могут выражать разнообразные субъективно-модальные значения.

А теперь рассмотрим союзы таджикского языка, которые также могут выражать в предложении различные субъективно-модальные значения. К ним можно отнести следующие слова, которые употребляются в значении союзов: *«кошки, мабодо, рафту, раваду, гўё, гўё ки, кани, биё, биёед, мон, монед, бигзор, бигузор, бигзоред»* и пр.

«Кошки» (если бы; о, если бы; добро; хоть бы) в функции союзного слова употребляется в таджикском языке, в основном, для выражения желания говорящего.

Пример:

«- Кошки туро хар рӯз медудам – Если бы я каждый день видел тебя».

«- Кошки муаллим чавоби маро гуш мекард – Хоть бы учитель меня выслушал».

Слово «*мабодо*» употребляется в функции союза – «в случае», «если». Как модальная единица выражает в высказывании опасение в осуществлении какого-нибудь действия.

Например:

«Мабодо, шумо дуруғ-ку намеғӯед? – Случайно вы не лжёте?»

«Мабодо имруз хам хаво безеб шавад, мо корамонро катъ мекунем - Если погода и сегодня не улучшится, мы прекратим работу».

Слово «*бошад*» обычно употребляется в роли противительного союза: «*а, же, что же касается*». В сочетании с частицей «*хам*» употребляется в роли усилительного союза «*хотя, хотя и, хоть*». «*Набошад*» (отрицательная форма) употребляется в роли различных союзов, обычно соединяя придаточные, условные и усилительные предложения. Слово «*бошад*» (набошад) как модальный союз употребляется в речи для выражения подтверждения, уверенности говорящего к высказыванию.

Например:

«Шуморо бошад мо алохида гӯш мекунем – Что касается Вас, то слушать будем отдельно».

«Ту набошад пагоҳ ба донишгоҳ мерави. – А ты завтра пойдёшь в университет».

Как видно, «*бошад*» подчеркивает реальность объекта, места и времени происходящего события.

Например: «Раваду масъала хал нагардад, мо метавонем ба суд мурочиат кунем» - «Если вопрос не решится, мы будем вынуждены обратиться в суд (значение предположения)».

«Вай аз хама бештар гап мезад, гӯё ки танҳо ба у сухан дода бошанд» – «Он больше всех говорил, будто только ему было предоставлено слово (значение сомнения)».

«Кани, гап занед, корхо чи тур?» - «А ну ка, говорите, как у вас дела? (значение побуждения к действию)».

«Бигзор, доимо офтоб бошад» - «Пусть всегда будет солнце (значение уступительного допущения)».

Итак, сравнивая союзы русского и таджикского языков, мы обнаружили, что оттенки модальных значений, выражаемых союзами русского языка, преобладают над оттенками модальных значений союзов таджикского языка. Хотя имеется немалое количество и идентичных союзов.

Как и другие средства выражения субъективной модальности, союзы играют немаловажную роль в русском и таджикском языках.

2.5. Междометия как средство выражения субъективной модальности

Междометия являются активным элементом разговорной речи. Как нам известно, субъективная модальность может выражаться эмоционально-экспрессивными отношениями говорящего к высказыванию.

В русском языке междометия составляют большой и весьма богатый пласт слов, которые выражают чувства, эмоции, ощущения, переживания, волеизъявления, настроения человека. Они являются одним из важнейших средств выражения субъективной модальности высказывания.

Эмоции бывают положительные (восторг, восхищение, радость, облегчение и др.) и отрицательные (испуг, возмущение, разочарование, сожаление, досада, упрек, недовольство, страх, печаль, неудовольствие, усталость, отказ, укор, стыд и др.)

В «Толковом словаре служебных частей речи русского языка» Т.Ф. Ефремовой насчитывается 570 междометий;

По составу междометия делятся на первообразные (непроизводные) и непервообразные (производные). Они образуются из различных частей речи.

Междометия, выражающие субъективно-модальные значения, можно классифицировать на следующие семантические группы:

- междометия, выражающие чувства и эмоции;
- междометия, выражающие оценку состояния;
- междометия, выражающие волеизъявления, побуждения;
- бранные междометия;
- звательные междометия;

Самой обширной в русском языке является группа непроизводных междометий, выражающих чувства и эмоции: *«ах, ах ты, ай, ага, ба, бррр, ой, ой; ох, тьфу, увы, уф, фу - ты, ну - ты; эх, ого, то- то»*.

Они выражают восторг, испуг, возмущение, сожаление, осуждение, страх, печаль, изумление, упрек, стыд, предостережение и др.

Например удивление:

«- Ах, мать божия! Я не знала, что это озеро такое большое и красивое!»

«- Увы! – Ребята! – решительным тоном проговорил директор, - я удивлён вашим поступком!»

Страх:

«- Ох! Как вы меня напугали, братец почтеннейший! Уж как вы страшны, право!»

К производным междометиям относятся: батюшки, боже мой, батюшки мой, ну да. Они выражают сложные эмоционально-интеллектуальные состояния человека: недовольство, удивление, досада, изумление, радость.

Например, недовольство:

«- Как это некрасиво, боже мой!»

«Ну да! Захотела и сразу пошла. А спросить нельзя?»

Следующие междометия выражают субъективную модальность, отражающие волеизъявления, побуждения говорящего. Это такие междометия, как: тсс, стоп.

Например, междометие тсс выражает призыв к молчанию:

«-Тсс! Больная только что уснула. Желательно не беспокоить её».

Междометия *«вот еще, вот как, вот те на»* выражают эмоционально-волевое отношение говорящего к речи собеседника.

Например, отказ, удивление:

« - Вот еще! Не хватало мне до вечера ждать его прихода».

« - Вот как! Я не думал, что воздушным змеем так легко управлять!»

Междометие *«чёрт побери»* по значению относится к бранным, выражает субъективно-модальное значение неудовольствия говорящего.

Пример:

« Чёрт подери, что за шум и возня за стеной? Вы дадите мне спать или нет?»

Междометие *«Господи, о боже, Бог мой, батюшки»* относятся к звательным междометиям выражают такие чувства и эмоции как: испуг, чувство вины, желание, удивление.

Пример: *«Господи! Когда же, наконец, я вернусь к родным.*

Батюшки! Эту картину вы написали? Какая красота!

Бог мой! Дай мне терпения все забыть, как страшный сон».

Итак, субъективно-модальное значение в речи выражается множеством междометий, которые отражают отношение говорящего к высказыванию.

Следует также отметить, что одни и те же эмоциональные междометия могут выражать различные модальные значения, а одно модальное значение может быть выражено различными междометиями.

В таджикском языке междометия также выражают субъективно-модальные значения. Они выражают эмоции, волеизъявления, этикетные приветствия, пожелания. С помощью междометий говорящий выражает радость, восхищение, веселье, одобрение, восторг, удовлетворение, страх, испуг, возмущение, негодование, недовольство и т.д.

По происхождению они делятся, как и в русском языке, на производные и непроизводные.

Непроизводные междометия – это слова, которые не имеют никакого отношения ни к одной части речи и состоят из одного или двух слов. К непроизводным междометиям таджикского языка относятся следующие междометия: *«э, о, эх, ух, эй, оббо, уббо, вах, вох, вай-вай, бах, вой, эхе»* и другие.

Пример:

«О, вах! Имруз мо бо дустанамон ба концерт меравем!

Ух ты! Мы сегодня с друзьями пойдем на концерт!»

Перевод:

«Бах-бах! Чи тавр ин манзара зебо!

Ой-ёй-ёй! Как красива эта природа!»

В данных предложениях выражаются эмоции радости, удовлетворение говорящего. Следует отметить, что большинство междометий имеют неопределённое значение и демонстрируют полную семантическую зависимость от контекста, они могут выражать различные эмоции говорящего.

Пример:

«Вах, чи шуд, Ту ин кадар бахаячон менамои?»

Перевод:

Ах, что случилось, ты выглядишь очень обеспокоенным?»

Или:

«Вах, ту ин кадар зебо шуди дар тан куртаи аруси!»

Перевод:

Ах, какая ты красавица в этом свадебном платье!»

В первом предложении междометие «вах» выражает обеспокоенность автора речи. Во втором предложении, наоборот - восторг. Но следует также отметить, что не все междометия могут быть многофункциональными. Некоторые междометия выражают конкретные эмоции.

Например, междометия «хай-хай (ой-ой), уф (эх), э-э (эх), оббо (ну-и, ну)» и другие выражают недовольство, неудовлетворённость говорящего.

«Хай-хай, духтарам, ин хел гапҳои дагал нагуӣ ба вай.

Ой-ой, дочка, не говори такие грубые слова ему.

Уф-ф, Ман боз ба корам дер мондам.

Эх! Я опять опоздал на работу.

Э-э-э, вай моро надида рафт».

Перевод:

«Эх, он нас не заметил и ушел

О-хо, гуё у низ дар он мусибат об гашту кабоӣ.

Ого, как будто бы он тоже устал от этой проблемы

Оббо, ин кадар шумо дер омаден, мо бисёр интизор шумед.

Ну-и, ну, вы так поздно пришли, мы вас заждались».

Междометия могут выражать субъективно-модальное значение радости и удовлетворения.

Например:

«Эхе, ту, писарчон, ба дидаи ман хеле калон шудаи!»

«О, ты, мальчик, очень вырос, как я вижу!» - «Oh, you son you became adult!»

«Ух-х, хеле хобида мондам-ку! – чавоб дод муйсафед, аз чойгахаи хеста».

««Ух ты, я же заснул!» – ответил старик, вставая с постели».

«Эх-ха, ту кахромон-ку!» – хурсанд шуд падар, нигарон ба писараш».

«Эх, да ты же герой!» – обрадовался отец, взглянув на сына».

Производные междометия таджикского языка – это те слова, которые относятся к той или иной знаменательной части речи. Этот вид междометий является спорным. Лингвисты спорят между собой, можно ли соотносить слова этикета, обращения к Богу в молитве и другие подобные выражения к междометиям. И все таки к ним относят следующие слова: *«хуш!, офарин!, хайхот!, вой доде!, эй, тавба!, э Худо!, Худоё!,во ачабо!»*

«Хуш, кани гап зан, ту ба чи максад омади?»

Хорошо, теперь скажи мне, какой вывод ты сделал?

Во ачабо, чи шуд, ки ту ба ман занг зади?

Удивительно, что случилось, что ты мне позвонил?

Э, Худо, ба ман мадат кун, ки ман аз ин имтихон гузарам!

О Боже, помоги мне пройти этот экзамен!»

В целом междометия представляют собой результат сложных психических процессов, выражающих эмоции человека. В результате эмоции дают оценку состоянию субъекта, его отношению к своему высказыванию, то есть выражают субъективно-модальные значения.

ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

Проведенное исследование по вопросу средств и способов выражения субъективно-модальных значений на лексико-грамматическом уровне позволило сделать следующие выводы:

С помощью категории наклонения в предложении выражаются отношения действия или состояния к реальной действительности, а именно: значения реальности действия, предположительности или побуждения к действию.

В условиях контекста, в сочетаниях с частицами и другими характеризующими словами, категория изъявительного наклонения, взаимодействуя с категорией времени, выражает субъективно-объективные модальные отношения.

Форма синтаксического повелительного наклонения обозначает волеизъявление, направленное на осуществление чего-либо.

Общее значение сослагательного наклонения - значение предположения, гипотетичности действия. Формы сослагательного наклонения глагола обозначают желательное или возможное действие при каких-либо условиях или действие, в котором говорящий сомневается и только предполагает его.

Все эти значения и их оттенки устанавливаются и разграничиваются прежде всего на основе семантического совпадения предложения в форме наклонения с предложениями других структур, выражающими те или иные значения специализированными средствами.

В грамматике современного таджикского литературного языка выделяется 4 наклонения: изъявительное (сиғаи хабари), повелительное (сиғаи амри), условно-желательное (сиғаи шарти-хохишманди) и предположительное (сиғаи эҳтимоли).

В отличие от русского языка в таджикском языке глагол имеет семь видовременных форм.

Модальность глагола изъявительного наклонения в таджикском языке обычно зависит от того, каков характер связи между действием и его субъектом. Эта связь может быть реальной, возможной, желательной, необходимой.

В таджикском языке, как и в русском, в отдельных случаях при определенном построении предложения или при наличии специфических модальных слов и частиц в предложении, в состав которого входит глагол, имеющий одну из форм изъявительного наклонения, может обозначать и некоторые иные модальные оттенки с отклонением от выражения подлинной реальности действия (предположение, сомнение и т.д.).

В таджикском языке глаголы в форме повелительного наклонения выражают следующие оттенки волеизъявления: повеление, просьба, предложение, предупреждение, утешение.

Глаголы в форме сослагательного наклонения по своему модальному значению выражают предположение, сомнение, неуверенность.

Предположительное наклонение по своему модальному значению выражает предположение, сомнение, неуверенность.

Как мы убедились из анализа текстов, модальные слова русского языка имеют множество оттенков субъективно-модальных значений. Они отражают отношение автора высказывания к сообщаемой информации, выражающей отношения высказываемой мысли к действительности, её достоверности, несомненности, истинности. Эти значения выражаются словами: верно, бесспорно, действительно, по слухам, к сожалению, к счастью и т.д.

Модальные слова, как особая группа функционально-семантических лексем таджикского языка, также являются очень разнообразными. Помимо различных модальных оттенков, как и в русском языке, они имеют коннотативное значение, выражают эмоциональное, экспрессивное, оценочное отношение говорящего следующими словами: албатта, зимнан, хакикатан, бешубха и т.д.

Большая часть модальных слов русского языка идентична модальным словам таджикского языка.

Модальные слова в предложении не примыкают к одним и тем же членам предложения. Они стоят вне связи с какими-нибудь определенными частями речи. Они выражают модальность высказывания в целом или отдельных его компонентов.

Модальные слова как средство выражения субъективной модальности являются самой большой группой слов, как в русском, так и в таджикском языке.

В современном таджикском языке в составе модальных слов глагольного происхождения нет заимствованных, все они принадлежат данному языку и имеют двузначный характер: употребляются и как члены предложения (в качестве полнозначного глагола), и в качестве модальных слов.

В русском и таджикском языках выявлены идентичные свойства модальных глаголов, как средств выражения субъективно-модальных значений. Модальные глаголы отличаются от обычных глаголов тем, что они не выражают конкретные действия, но содержат значения необходимости, возможности, вероятности, сомнения, желательности действия.

Как и модальные слова, фразеологизмы являются средством выражения отношения, говорящего к своему высказыванию.

По семантике модальные фразеологизмы русского языка, выражающие эмоциональные отношения говорящего, можно разделить на две группы: модальные фразеологизмы, выражающие положительное отношение говорящего к высказыванию (радость; восхищение и т.д.); модальные фразеологизмы, выражающие отрицательное отношение говорящего к высказыванию (сожаление, огорчение и т.д.).

В «Фарханги забони тоҷики» модальные фразеологизмы таджикского языка по структуре тоже разделены на две основные группы: а) фразеологические единицы изафетной конструкции (рости гап, аз афти кор);

б) фразеологические единицы конструкции примыкания, глагольные и предложные сочетания (эхтимол дорад, хуш ки бошад).

Анализируя модальные частицы русского и таджикского языков, мы убедились, что они в большинстве случаев идентичны по своему значению. Модальные частицы играют важную роль в оформлении предложений, придавая сообщению различные оттенки значений (уверенность, предположение, сомнение), вносят эмоциональную окраску речи, способствуют лексически усиливать суть сообщения. Это мы наблюдаем в обоих языках.

Союзы в сравниваемых языках являются важным средством выражения модальности. Сравнивая союзы русского и таджикского языков, мы обнаружили, что оттенки модальных значений, выражаемых союзами русского языка, преобладают над оттенками модальных значений союзов таджикского языка. Хотя имеется немало и идентичных союзов.

Междометия являются активным элементом разговорной речи. Как нам известно, субъективная модальность может выражаться эмоционально-экспрессивными отношениями говорящего к высказыванию. Следует также отметить, что одни и те же эмоциональные междометия могут выражать различные модальные значения, а одно модальное значение может быть выражено различными междометиями.

В исследовании подтвердилось, что основным грамматическим признаком модальных единиц является их несамостоятельность при отсутствии определенной синтаксической функции. Как известно, в качестве членов предложения они выступать не могут. Но при известных обстоятельствах и в связи с предыдущим высказыванием, обычно в диалогической речи, некоторые модальные единицы, имеющие значения утверждения, соглашения, сомнения или же отрицания, могут быть употреблены в качестве отдельного самостоятельного предложения.

При сравнении средств и способов выражения модальности, мы обнаружили, что большинство из них являются идентичными, то есть различий наблюдается очень мало.

Функционально-семантическое поле модальности в русском, английском и таджикском языках образует система лексических и грамматических средств разного уровня, которые объединены общим значением – оценки субъекта речи к действительности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на то, что в течение длительного времени модальность оставалась в центре внимания исследователей русского и таджикского языков, в настоящее время трудно найти другую категорию, которая в такой же мере характеризовалась отсутствием единого мнения по поводу её природы, характера значений, а также средств выражений.

Проведенное исследование позволяет обобщить результаты наблюдений в области изучения модальности, как функционально-семантической категории, которая характеризуется специфическим содержанием и специализированными средствами выражения: категорией наклонения, модальными словами, модальными глаголами, фразеологизмами, союзами, частицами, междометиями.

Мы также бесспорно признаем две модальности: объективную и субъективную. Объективная модальность выражает отношение содержания высказывания к действительности, субъективная - отношение говорящего к содержанию высказывания.

Обязательным признаком любого высказывания считается объективная модальность, а субъективная – факультативным признаком высказывания. Так как между объективной и субъективной модальностями существует тесная связь, можно прийти к выводу, что категория модальности – это единство объективного и субъективного в сознании человека. Семантический объём субъективной модальности значительно шире объективной.

С помощью категории наклонения в предложении выражаются отношения действия или состояния к реальной действительности, а именно: значения реальности действия, предположительности или побуждения к действию.

В таджикском языке, как и в английском, русском, в отдельных случаях при определенном построении предложения или при наличии специфических модальных слов и частиц в предложении, в состав которого входит глагол, имеющий одну из форм изъявительного наклонения, может обозначать и

некоторые иные модальные оттенки с отклонением от выражения подлинной реальности действия (предположение, сомнение и т.д.).

Форма синтаксического повелительного наклонения в русском языке обозначает волеизъявление, направленное на осуществление чего-либо.

Общее значение сослагательного наклонения — значение предположения, гипотетичности действия. Формы сослагательного наклонения глагола обозначают желательное или возможное действие при каких-либо условиях или действие, в котором говорящий сомневается и только предполагает его.

В грамматике современного таджикского литературного языка, в отличие от русского языка, выделяется 4 наклонения: изъявительное (сиғаи хабари), повелительное (сиғаи амри), условно-желательное (сиғаи шарти-хохишманди) и предположительное (сиғаи эҳтимоли).

В отличие от русского языка в таджикском языке глагол имеет семь видовременных форм.

В таджикском языке глаголы в форме повелительного наклонения выражают следующие оттенки волеизъявления: повеление, просьба, предложение, предупреждение, утешение.

Глаголы в форме сослагательного наклонения по своему модальному значению выражают предположение, сомнение, неуверенность.

Предположительное наклонение по своему модальному значению выражает предположение, сомнение, неуверенность.

Что касается семантических особенностей и типов модальных слов, то, как в русском, английском так и в таджикском языкознании, до сих пор не существует единой классификации модальных слов по значению. Учёные-лингвисты по-разному подходят к решению данной проблемы, выдвигая свои точки зрения по вопросам семантической характеристики модальных слов.

Теоретическое исследование данной проблемы подтверждает, что модальные слова - это лексико-грамматическая категория, охватывающая более или менее определенный разряд лексических и лексико-

фразеологических единиц, характеризующихся грамматической независимостью и выражающих субъективно-модальные значения.

Большая часть модальных слов русского языка идентична модальным словам таджикского языка: верно (рост), бесспорно (бешубха), действительно (хакикатан) и т.д.

Следует также отметить, что совокупность признаков модальных слов, а именно лексическое значение, синтаксические функции и морфологическая структура, дают, по мнению целого ряда лингвистов, веские основания для выделения модальных слов в самостоятельную часть речи.

В русском английском и таджикском языках выявлены идентичные свойства модальных глаголов, как средств выражения субъективно-модальных значений. Модальные глаголы отличаются от обычных глаголов тем, что они не выражают конкретные действия, но содержат значения необходимости, возможности, вероятности, сомнения, желательности действия.

Модальные глаголы, как основное лексико-синтаксическое средство выражения модальности в исследуемых языках, характеризуют действие, выраженное инфинитивом.

Система значений модальных глаголов в таджикском английском и русском языках представлена двумя основными группами: а) модальные глаголы необходимости, б) модальные глаголы возможности. Отличительные особенности модальных глаголов в таджикском языке: они функционируют как смысловые и как модальные, они могут принимать морфемы всех времён, наклонений, лица и числа.

Модальные фразеологизмы относятся к одним из важнейших средств оформления категории модальности в русском и таджикском языках. Модальные фразеологизмы по своей структуре схожи со структурой лексического значения модальных слов - вводных единиц и междометий.

Фразеологические единицы, как эквиваленты слов, носят часто синонимический характер по отношению к другим модальным единицам.

Они раскрывают национальную специфику языка, его самобытность. Они отражают богатый исторический опыт народа, его культуру и быт.

Анализируя модальные частицы русского и таджикского языков, мы убедились, что они в большинстве случаев идентичны по своему значению. Модальные частицы русского и таджикского языков, как средство выражения категории модальности, придают предложению эмоционально-экспрессивную окраску, формируют тональность высказывания.

Функционирующие модальные единицы в таджикском языке составляют две группы: единицы именного происхождения, которые ведут свое начало от имен существительных, прилагательных, местоимений, наречий, и единицы, соотносимые с различными формами глагола.

Итак, мы выявили, что многие модальные единицы употребляются в сопоставляемых языках аналогичными способами.

Если в сопоставляемых языках нет аналогичного слова, то выражению модальности может быть осуществлено в наборе соответствующих языковых единиц, или выявлено в контексте рассматриваемого предложения.

Важным грамматическим признаком модальных единиц является их несамостоятельность, отсутствие определенной синтаксической функции. Они не могут выступать в качестве члена предложения, а употребляются в речи вне связи с его частями. Их значения и оттенки выясняются только в контексте и при интонационном выражении мысли. Смысловые оттенки модальных единиц в речи могут быть отнесены как к целому предложению, так и к отдельным его членам.

Считаем возможным утверждать, что модальность является важнейшей функционально-семантической категорией, взаимосвязанной с другими категориями в функционирующей системе сравниваемых языков.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Адамец, П. Порядок слов в современном русском языке / П. Адамец. – Прага: Academia, 1966. – 87 с.
2. Айтекова, Ф.Х. Антропоцентрическая парадигма в современной лингвистике/Ф.Х.Айтекова// Вестник КРСУ.- 2014.-Т.14.-№9.- С.164-167.
3. Алисова, Т.Б. Дополнительные отношения модуса и диктума //ВЯ, 1971. - №1. – С.54-68.
4. Али-Заде, З. А. Модальные слова в современном азербайджанском языке [Текст]: Автореферат дис. на соискание учен. степени кандидата филол. наук / Ком. высш. и сред. спец. образования Совета Министров АзССР. Азербайдж. гос. ун-т им. С. М. Кирова. - Баку, 1963. - 17 с.
5. Аристотель. Метафизика / Аристотель; [Пер. А. В. Кубицкого]. - Ростов н/Д: Феникс, 1999. – 600 с.
6. Арутюнова, Н.Д. Функциональная семантика, оценка, экспрессивность, модальность: In memoriam Е. М. Вольф: [Сборник] / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания; [Предисл. И. И. Чельшевой]. - М.: ИЯЗ, 1996. - 168 с.
7. Арутюнова, Н.Д. Модальные и семантические операторы // Облик слова / Сб. статей. – М. 1997. – С.22-38.
8. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов [Текст]: [Около 7 000 терминов]. - 2-е изд., стер. – М.: Сов. энциклопедия, 1969. - 607 с.
9. Баевский, С. И. Модальные значения глагольных форм современного персидского языка [Текст]: Автореферат дис. на соискание учен. степени кандидата филол. наук / Ленингр. ордена Ленина гос. ун-т им. А. А. Жданова. – Л., 1954. - 16 с.

10. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка [Текст] / Пер. с 3-го фр. изд. Е. В. и Т. В. Вентцель; Ред., вступ. статья [с. 3-19] и примеч. Р. А. Будагова. – М.: Изд-во иностр. лит., 1955. - 416 с.
11. Беляева, И. А. Система жанров в творчестве И.С. Тургенева: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.01.01 / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Филол. фак. - Москва, 2006. - 44 с.
12. Блох, М. Я. Теоретические основы грамматики: учеб. для студентов, обучающихся по направлению подгот. дипломир. специалистов «Лингвистика и межкультур. коммуникация» / М. Я. Блох. - Изд. 4-е, испр. - М.: Высш. шк., 2005. – 237 с.
13. Бондарко, А. В. Функциональная грамматика [Текст] / АН СССР, Науч. совет по теории сов. языкознания, Ин-т языкознания; А. В. Бондарко. - Ленинград: Наука. Ленинградское отд-ние, 1984. - 136 с.
14. Бордович, А.М. Модальные слова в современном русском литературном языке [Текст]: Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Акад. наук Беларус. ССР. Ин-т языкознания. - Минск, 1956. - 21 с.
15. Бордович, А.М. Модальные слова в современном русском литературном языке [Текст]: Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Акад. наук Беларус. ССР. Ин-т языкознания. - Минск, 1956. - 21 с.
16. Ван дер Аувера, Й. От оптатива и конъюнктива к ирреалису / Й. Ван дер Аувера , Э.Схаллей // Исследования по теории грамматики. Ирреалис и ирреальность; ред.кол: Ю. А. Ландер [и др] -М.: Гнозис, 2004.- Вып.3.- С.75-87.
17. Васильев, Л. М. Семантика русского глагола: Глаголы речи, звучания и поведения. Учеб. пособие / Л. М. Васильев. - Уфа: БГУ, 1981. - 71 с.

18. Валгина, Н.С. Синтаксис современного русского языка / Н. С. Валгина. - М.: Агар, 2000. – 415 с.
19. Ваулина, С. С. Эволюция средств выражения модальности в русском языке (XI-XVI вв.) / С. С. Ваулина; Калинингр. гос. ун-т. - Л. : Изд-во ЛГУ, 1988. – 140 с.
20. Васильев, Л. М. Модальные слова в их отношении к структуре предложения // Ученые записки Башкирского университета. 1973. С. 5 — 60.
21. Вахек, И. Пражский лингвистический кружок [Текст] : Сборник статей / Сост., ред. и предисл. Н. А. Кондрашова. – М.: Прогресс, 1967. - 559 с.,
22. Введение в языкознание [Текст]: курс лекций: учебное пособие для студентов филологических факультетов университетов / под общей редакцией О. Н. Чарыковой и И. А. Стернина. - Изд. IV, испр. и доп. - Воронеж: Истоки, 2016. - 142 с.
23. Виноградов, В. В. Русский язык [Текст]: (Грамматическое учение о слове) / проф. В. В. Виноградов; Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. - Москва; Ленинград: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1947. - 783 с.
24. Виноградов, В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Исследования по русской грамматике: Избранные труды / под ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1975. – 560 с.
25. Виноградов, В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – М.: 1986. – С. 5-23.
26. Галкина-Федорук Е.М., Горшкова К.Б, Шанский Н.М. Современный русский язык. Лексикология. Фонетика. Морфология. М.: Учпедгиз, 1958. - 411 с.
27. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – С. 138.
28. Гвоздев, А.Н. Современный русский язык. М., 1958. – 362 с.

29. Гвоздев, А.Н. Современный русский литературный язык. Ч. 1, Фонетика и морфология. М.: Либроком, 2015. – 470 с.
30. Грамматика русского языка / [редкол.: акад. В. В. Виноградов и др.]; Акад. наук СССР, Ин-т языкознания. - Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1952-1954. Т. 2, ч. 1: Синтаксис. ч. 1 [Текст]. - 1954. - 703 с.
31. Грамматика современного русского языка. Под редакцией Н.Ю.Шведовой - М.: Наука, 1970. – 767с.
32. Грамматика русского языка. Т. 2. Синтаксис. – М., 1954. Т. 2, ч. 1: Синтаксис. ч. 1 [Текст]. - 1954. - 703 с.
33. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик (барои мактабҳои оли). – Душанбе: Дониш, 1985. - 385 с.
34. Грeпл, М. О сущности модальности // Языкознание в Чехословакии 1956-1974: Сб. ст. - М., 1978. – С 277-301.
35. Гулыга, Е. В. Грамматика немецкого языка: [Учебник] / Е. В. Гулыга, М. Д. Натанзон. - М.: Менеджер, 2004. – 398 с.
36. Дешериева, Т.И. О соотношении модальности и предикативности// ВЯ. 1987. - №1. – С.34-35.
37. Дмитриовская, М.А. Логический анализ языка. Знание и мнение. М., 1988. – С. 7.
38. Ермолаева, Л.С. Типология системы наклонения в современных германских языках. ВЯ, 1977, №4. С 27-35.
39. Ефремова, Т.Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка: ок. 15 000 словар. ст.: ок. 22 000 семант. единиц / Т. Ф. Ефремова. - 2-е изд., испр. - М.: Астрель: АСТ, 2004. – 814 с.
40. Забони адабии ҳозираи тоҷикӣ: [Текст]: (наҳви ибора ва ҷумлаҳои содда) / Шокиров Туғрал Сирочович; Вазорати маориф ва илми Ҷумҳурии Тоҷикистон, Донишгоҳи давлатии Хучанд ба номи Б. Гафуров. - Хучанд, 2015. - 72 с.

41. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов / Жеребило Татьяна Васильевна. - Изд. 4-е, испр. и доп. - Назрань: Пилигрим, 2005. - 376 с.
42. Зверева, Е.А. Научная речь и модальность. (Система английского глагола). - Л.: Наука, Ленинградск. отд-ние, 1983. -159 с.
43. Золотова, Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка [Текст] / Г. А. Золотова; АН СССР, Ин-т рус. яз. – М.: Наука, 1973. – 351 с.
44. Золотова, Г.А. О модальности предложения в русском языке // Филологические науки. 1962. № 4. С. 65-79.
45. Ибрагимова, М.С. Сложноподчиненные предложения с придаточного ирреального условия в русском и таджикском языках / М.С. Ибрагимова. - В кн.: современный русский язык и методика его преподавания. - Душанбе, 1971. - С. 183 - 199.
46. Ибрагимова, М. Модальные слова и модальные частицы в таджикском и русском языках [Текст]: Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук.) / Тадж. гос. ун-т им. В. И. Ленина. - Душанбе, 1971. - 20 с.
47. Ильиш, Б.А. Современный английский язык. Теоретический курс. - 2-е изд., испр. и доп. - М.: Изд. лит-ры на иностр. яз., 1948. - 348 с.
48. Лекант, П.А. Семантика вводных компонентов в тексте // Семантика слова и словоформы в тексте. – Моск. обл., пед. инт.1988. – С. 10.
49. Ляпон, М.В. Модальность // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н.Ярцева. - М.: Советская энциклопедия, 1990. - С. 303 - 304.
50. Ломтев, Т.П. Предложение и его грамматические категории [Текст] / [Вступ. статья Л. А. Новикова]; Науч.-метод. центр. рус. яз. при МГУ. - Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1972. - 198 с.

51. Маркелова, Т.В. Оценка и оценочность // Семантическая структура слова и высказывания. М., 1993. С. 107-115.
52. Маъсуми, Н. - В кн.: Забони адабии ҳозираи тоҷикӣ : [Текст] : (наҳви ибора ва ҷумлаҳои содда) / Шокиров Туграл Сирочович ; Вазорати маориф ва илми Ҷумҳурии Тоҷикистон, Донишгоҳи давлатии Хучанд ба номи Б. Ғафуров. - Хучанд, 2015. - 72 с.
53. Мошеев, И.Б. Система форм изъявительного наклонения в русском и таджикском языках [Текст]: Опыт сопоставит. изучения как лингвист. основа для разраб. методики преподавания рус. яз. в тадж. школе / И. Мошеев; Душанб. гос. пед. ин-т им. Т.Г. Шевченко. - Душанбе: Ирфон, 1977. - 159 с.
54. Мусаева, Г.Ф. Роль категории модальности художественном тексте. – Баку: Элиста, 2001. – 139 с.
55. Немец Г.П. Грамматические средства выражения модальности в русском языке. – Х.: Око, 2004. – 203 с.
56. Ниёзмухаммедов Б. Забоншиносии тоҷик (асарҳои мунтахаб). - Душанбе: Дониш, 1970. - с.89.
57. Негматова, Д.С. Структурно-семантический анализ модальных слов в английском и таджикском языках: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.20 / Негматова Дилошуб Садуллоджоновна; [Место защиты: Рос. -тадж. славян. ун-т]. - Душанбе, 2013. - 26 с.
58. Негматова, Д.С. Хусусиятҳои сохторӣ ва моҳияти вожаҳои модалӣ дар забони муосири тоҷикӣ/Д.С. Негматова //Вестник Тадж. гос.ун-та права, бизнеса и политики.-2020.-№1(82).-С.106-116.
59. Панфилов, В.З. Категория модальности и ее роль в конституировании структуры предложения и суждения //Вопросы языкознания, 1977. №4. - С.37.
60. Петров, Н.Е. О содержании и объёме языковой модальности. Новосибирск, 1982. 161 с.

61. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. 512 с.
62. Распопов, И.П., Ломов А.М. Основы русской грамматики. Воронеж: Изд-во: Воронеж, ун-та. 1984. – С. 243-244.
63. Расторгуева, В.С. Краткий очерк грамматики таджикского языка (Приложение к таджикско-русскому словарю) / В.С. Расторгуева. - М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1954. - С. 529 - 570.
64. Расторгуева, В.С., Керимова, А.А. Система таджикского глагола / В. С. Расторгуева, А.А. Керимова. - М.: Наука, 1964. - 291 с.
65. Розенфельд, А.З. Модальные значения некоторых форм глаголов будан и шудан в таджикском языке / А.З. Розенфельд. Краткое сообщ. ин-та народов Азии.т. 63, 1963. - С. 73-75.
66. Розенталь, Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. - М.: Просвещение, 1976.
67. Розенталь, Д.Э, Голуб И.Б., Теленкова М.А. Современный русский язык: учеб. пос. – М.: Рольф; Айрис-пресс, 1997. – 448с.
68. Грамматика современного персидского литературного языка / Ю. А. Рубинчик; [Рос. акад. наук. Ин-т востоковедения, Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Ин-т стран Азии и Африки]. - М.: Вост. лит., 2001. - 600 с.
69. Рустамов, Ш. Имя существительное в современном таджикском литературном языке: Существительное в системе частей речи, грамматические категории, словообразование и синтаксические функции: диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.02. - Душанбе, 1972. - 399 с.
70. Русская грамматика: [в 2-х т. / Редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др.]. - Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / [Н. С. Авилова, А. В. Бондаренко, Е. А. Брызгунова и др.]. - М.: Наука, 1980. - 783 с.

71. Салихов, Ф.Ш. Функционально-семантическое поле модальности предположения и способы его выражения в разносистемных языках: на материале английского, русского и таджикского языков: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.20 / Солихов Фируз Шодиевич; [Место защиты: Межгос. образовательное учреждение высш. проф. образования Российско-Таджикский (славянский) ун-т]. - Душанбе, 2015. - 197 с.
72. Сахно, Д. Д. Средства создания субъективной модальности в СМИ // Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки: сб. ст. по мат. XLII междунар. студ. науч.-практ. конф. № 5(42).
73. Сухотин, В.П. Синтаксическая роль инфинитива в современном русском языке// Ученые записки Кабардино-Балкарского госпединститута. Вып. 1, 1940. – С. 92.
74. Сиеев, Б.С. Очерк доир ба таърихи феъли забони адабии тоҷик. - Душанбе: Мухаррири масъул М. Ф. Фозилов; АФ РСС Тоҷикистон; Институти забон ва адабиёти ба номи Рӯдакӣ. – Д.: Дониш, 1968. – 173 с.
75. Смирницкий, А.И. Морфология английского языка / А.И Смирницкий. - М.: Наука, 1959. - С. 327 - 336.
76. Смирницкий, А.И. Лексическое и грамматическое в слове. //Вопросы грамматического строя языка. – М., 1955. С. 52-53.
77. Тойчиев, М.Т. Принципы актуализации модальности. Дисс...канд. филол. наук /М.Т.Тойчиев. –Душанбе: Ин-т языка НАН Таджикистана, 2021-201с.
78. Фарханги тафсирии забони тоҷикӣ. - Душанбе: Ирфон, 2008. Ч, 1. - 949 с.; Я - Душанбе: Ирфон, 2010. - 1095 с.
79. Филипповская, И. А. Модальность предложения. Учебное пособие для филол. специальностей. Душанбе: 1978. – С. 8-17.
80. Фозилов, М., Лившиц, В, А. Баъзе масъалаҳои омузиши забони

- точки дар мактаб. — Мактаби Совети, 1952, №7.
81. Халилов, А. Способы выражения субъективной модальности в современном таджикском литературном языке / А. Халилов; Отв. ред. В. А. Капранов. - Душанбе: Дониш, 1985. - 92 с.
 82. Халилов, А. Вазифаҳои грамматикӣ бандаки изофи (-и) дар забони дабии ҳозираи тоҷик. - Душанбе: Дониш, 1969.
 83. Халилов, А. Ибораҳои изофи дар забони адабии тоҷик. - Душанбе; НДТ. 1964.
 84. Шанский, Н.М. Основы словообразовательного анализа [Текст]. – Москва: Учпедгиз, 1953. - 56 с.
 85. Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов; Вступ. ст. Е. В. Клобукова; Ред. и коммент. Е. С. Истоминой. - 3. изд. - Москва: УРСС, 2001. - 620 с.
 86. Шатуновский, И.Б. Семантика предложения и нереперентные слова [Текст]: значение, коммуникативная перспектива, прагматика / И. Б. Шатуновский; Междунар. ун-т природы, о-ва и человека «Дубна». - Москва: Шк. «Языки русской культуры»: Кошелев, 1996. - 399 с.
 87. Шведова, Н. Ю..Активные процессы в современном русском синтаксисе [Текст]: (Словосочетание). - Москва: Просвещение, 1966. – 156 с.
 88. Шевпякова, В. Е. К вопросу о логическом ударении. - Вопросы языкознания, 1977, № 6, С. 107-118.
 89. Шмелёв, Д.Н. Шмелева Т. В. Смысловая организация предложения и проблема модальности // Актуальные проблемы русского синтаксиса. М., 1984. С. 78-100.
 90. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность [Текст]: Сборник работ / Ред. Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич; АН СССР. Отд-ние литературы и языка. Комис. по истории филол. наук. - Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. - 427 с.

91. Чибук, А.В. Функционально-семантическое поле предположения в немецком и русском языках (сопоставительный аспект). Дисс...канд. филол. наук /А.В.Чибук. –Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2004 - 226с.

СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

92. Лингвистический энциклопедический словарь / [Науч.-ред. совет изд-ва «Сов. энцикл.», Ин-т языкознания АН СССР]; Гл. ред. В. Н. Ярцева. - М.: Сов. энцикл., 1990. – 682 с.
93. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений // Российская Академия Наук. Институт русского языка им. В.В.Виноградова. 4-е изд., дополненное. - М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
94. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985Т.ЗП-Р. 1987. – 752 с.
95. Фарханги забони тоҷики. Чилди 1. М.: Советская энциклопедия, 1969. 951 с.
96. Фарханги тафсирии забони тоҷикӣ (ибораат аз ду чилд) / ҳайати таҳририя: С.Назарзода(раис), А.Сангинов, С.Каримов [ва диг.]. - Душанбе, 2008. -Чилди 1(А-Н).-950с.
97. Фарханги тафсирии забони тоҷикӣ (ибораат аз ду чилд) / ҳайати таҳририя: С.Назарзода(раис), А.Сангинов, С.Каримов [ва диг.].- Душанбе, 2008.-Чилди 2(О-Я).-945 с.
98. Фарханги тоҷики ба руси. Таджикско-русский словарь. Душанбе: Дониш, 2006. – 784 с.
99. Персидско-русский словарь (в двух томах), под редакцией Ю.А.Рубинчика. – М.: Советская энциклопедия, 1970.

(Грамматический очерк персидского языка. - В приложении ко 2-му тому).

100. Таджикско-русский словарь: 40 000 слов / составители: С. Д. Арзуманов, Н. Н. Ершов, Я. И. Калонтаров [и др.]; под редакцией М. В. Рахими и Л. В. Успенской; главный редактор член-корреспондент Академии наук СССР Е. Э. Бертельс; с приложением грамматического очерка, составленного В. С. Расторгуевой; Академия наук Таджикской ССР, Институт языка и литературы. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1954. – 789 с.
101. Томахин Г.Д. США. Лингвострановедческий словарь. 2-е изд. стереотип. - М.: Русский язык, 2000. – 576 с.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

102. Тургенев, И. С. «Записки охотника», 1852.
103. Булычёв, К. «Приключения Алисы цикл произведений», 1965-2003.
104. Булгаков, М. А. «Мастер и Маргарита», 1929-1940.
105. Достоевский, Ф. М. «Униженные и оскорблённые», 1861.
106. Салтыков-Щедрин. М. Е. «Наша общественная жизнь», 1864
107. Шолохов, М. А. «Тихий Дон», 1926-1940.
108. Олеша, Ю. К. «Ни дня без строчки», 1956
109. Толстой, А. Н. « Хождение по мукам», 1922-1941
110. Чехов, А.П. «Степь», «Палата №6», «Именины», «Бабье царство».
111. Интернет-ресурс: <https://wikivox>.
112. Джалил, Р. «Ҳамида» (1959)
113. Толис, П. «Ҳикояҳо» (1988)
114. Назаров, З.Х. «Мирзо Ризо»
115. Мухаммадиев, Ф.«Палатаи кунчаки»
116. Деҳотӣ, А. «Кул.....», «Ҳаёт»

117. Мухаммадиев, Ф. «Тири хокхӯрда», «Од.куҳна»
118. Икромӣ. Д.ж. «Дувоздаҳ дарвозаи Бухоро», «Ман гунаҳгорам», «Духтари оташ»
119. Айнӣ, С. «Куллиёт»
120. Айнӣ, С. «Асарҳои мунтахаб»
121. Саъди. «Фарҳанг»
122. Ниёзӣ, Ф. «Духтари ҳамсоя»
123. Джалолӣдини Рӯми. Духовная поэма
124. Сорбон. Куллиёт. Ҷ.І-Х. — Душанбе: «Эҷод», 2009.
125. Баҳманёр. Сармадех. Шоханшоҳ (маҷмӯаи ҳикояҳо ва роман) — Душанбе, «Адиб», 2013. 472 саҳ.
126. Чалил Раҳим. Асарҳои мунтахаб. Иборат аз се ҷилд, ҷилди І. Китоби ІІ. Роман «Шӯроб». Душанбе «Адиб» 1988. — 464 с.
127. Ниёзӣ Фотех. Вафо (роман). — Душанбе: Адиб, 2015, 320 саҳ.
128. Равшани Махсумзод. Соҷаи ишқ (Повест ва ҳикояҳо, Душанбе, «Адиб», 2007)
129. Памук, Орхан. Номи ман Сурх аст. Тарҷумаи Муҳаммадшариф Рӯстамзода. -Душанбе: «Ирфон», 2017, 616 саҳ.
130. Неъмат Бобочон. Зиндаятим: қисса ва ҳикояҳо. — Душанбе: «Адиб», 2005. 256 саҳ.
131. М.Горький. Рассказы. Пьесы. Мать / Горький. М; Вступит. статья Ал. Овчаренко. -М.: Художественная литература, 1978. -670с.